

Дарья Донцова

Истинный Бабу-Яги

Агент номер
СМ СКБ
ИВАН
ПОДУШКИН

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Инстинкт Бабы-Яги
Серия «Джентльмен сыска
Иван Подушкин», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118873

*Инстинкт Бабы-Яги: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-04301-2, 5-699-16674-2, 5-699-17610*

Аннотация

С тех пор, как хозяйка Ивана Подушкина – бизнесвумен Элеонора – возомнила себя великой сыщицей, он потерял покой. А теперь еще Нора приобрела лицензию на сыскную деятельность и дает объявления в газетах... Первая клиентка не заставила себя долго ждать. Алена Шергина уверена, что на ее жизнь не единожды покушались. Она даже знает имя виновного – Марина Райкова. Нора советует Алене на время уехать из города, и та решает отсидеться на даче. Но по дороге Шергина трагически погибает. Элеонора посылает Ваню поговорить с Мариной, и после этого визита Райкова кончает жизнь самоубийством. Очевидно, от угрызений совести... Но Нора уверена: Алену и Марину убила одна и та же рука. А вот чтобы поймать убийцу за руку, попытеть придется Ивану Подушкину...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	68
Глава 7	85
Глава 8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Дарья Донцова

Инстинкт Бабы-Яги

Глава 1

В полночь раздался звонок. Я отложил газету и потянулся за халатом. Кто это может быть? К нам с Элеонорой в такое время не ходят в гости. Не успел я накинуть на плечи шлафрок, как на столе заголосил мобильный. Я схватил трубку.

– Слушаю.

– Ваня, – велела Нора, – немедленно узнай, кто сюда рвется.

– Уже иду, – ответил я хозяйке и побрел в коридор.

В этом звонке вся Элеонора: чтобы не высовываться из комнаты, она просто воспользовалась сотовым. Вам придет в голову трезвонить секретарю, если вы с ним находитесь в одной квартире? Думаю, нет. Хотя мне отчего-то кажется, что у вас нет и служащих, живущих в вашем доме. Но, знаете, очень удобно иметь под рукой человека, которому можно раздавать указания. Некоторым людям комфортной покажется и моя жизнь: обитаю в большой, великолепно обставленной квартире, комнату убирают, рубашки стирают, брюки гладят, зарплату не трачу ни на еду, ни на оплату коммунальных услуг. Не каждый так устроится. Однако в лю-

бой бочке самого распрекрасного меда всегда найдется чуток дегтя. Большинство мужчин, чтобы не думать о хозяйственных мелочах, заводят жену и, получая обед, вынуждены терпеть ее капризы. Я – холостяк, зато у меня есть хозяйка. И если на разошедшуюся супругу можно прикрикнуть или, обидевшись, уйти из дома, то от Норы никуда не деться, я обязан с улыбкой исполнять все ее пожелания, а мою хозяйку иногда сильно заносит на поворотах.

Вот и сейчас, вместо того чтобы мирно читать газету, я вынужден выяснять, кому понадобилось ломиться сюда тогда, когда подавляющее большинство людей мирно спит. Звонок повторился. Неизвестный гость оказался настойчив, он был явно полон решимости разбудить хозяев.

Я глянул на экран видеофона. На лестничной площадке стояла девочка-подросток, маленькая, худенькая. На ней были надеты замызганные джинсики, коротенькая, до талии, курточка из слишком яркого, чтобы быть настоящим, меха. На голове у девочки чернела бейсболка с надписью «Йес». Я вздохнул – все понятно.

Наша многокомнатная квартира расположена в уважаемом здании. На входе в дом сидят охранники. Малосостоятельных людей здесь нет, плата за проживание превышает прожиточный минимум москвича. В холле и на лестничных клетках цветут растения в горшках, пахнет французскими духами и дорогими сигаретами, и никто не поджигает в кабине лифта кнопки. Впрочем, нет и дружбы между сосе-

дями. Здесь не принято брать в долг, просить сахар или соль и собираться просто так вечерком на огонек. Но, как я уже упоминал, в бочке меда обязательно найдется деготь. В нашем случае это эстрадный певец по имени Леонид. Честно говоря, я ни разу не слышал песен, которые исполняет парень, предпочитаю классическую музыку, но, говорят, он бешено популярен. Истериически настроенных фанаток охрана в подъезд не пускает, и они довольствуются тем, что пишут мелом на асфальте перед домом признания в любви и свое мнение о новых песнях. Но иногда кое-кто из особо предприимчивых девчонок ухитряется прорваться до квартиры кумира. К сожалению, певец живет прямо над нами, и случается, что его «гости» ошибаются этажом.

Поняв, что вижу фанатку, я снял трубку видеофона и сказал:

– Леонид живет этажом выше, вы спутали квартиру.

– Мне нужна Элеонора, – раздался приглушенный голос.

Я изумился до крайности. Оказывается, девочка хочет видеть Нору. Через секунду она стояла в нашем холле, маленькая, похоже, сильно замерзшая. Коротенькая куртка и джинсики-стрейч – не лучшая одежда для сырого и вьюжного московского февраля.

– Вы, наверное, Иван Павлович? – тихо спросила она и сняла бейсболку.

На худенькие плечики упала копна темно-каштановых волос. Даже в тусклом свете настольной лампы было видно, ка-

кие они густые, блестящие, красивые. Просто удивительно, как такие роскошные волосы влезли под кепку.

– Да, – ошарашенно ответил я, – вы правы, я – Иван Павлович Подушкин. А в чем, собственно говоря, дело?

Девочка подняла на меня глаза, и я снова испытал удивление. Огромные ярко-синие очи горели на небольшом личике с правильными чертами. Если честно, то я до сих пор не встречал подобного лица. Узкий нос, пожалуй, чуть длинноват, рот чуть крупноват, над губой – пикантная родинка, брови чуть широковаты... Но именно это «чуть» делало внешность неожиданной гостьи неотразимой. Вы просто не смогли бы оторвать взгляда от девушки, а встретив ее через пару лет, мигом бы узнали. Она была красива до неприличия и, похоже, совсем не пользовалась косметикой. И еще: я ошибся в отношении возраста, меня ввела в заблуждение стройная фигурка и тинейджеровская одежда. Но сейчас, когда девушка сняла куртку и дурацкую бейсболку, стало понятно, что ей уже исполнилось двадцать пять, а может, и все тридцать.

Наверное, на моем лице отразилось недоумение, потому что незнакомка неожиданно мягко улыбнулась, похорошела от этого еще больше и нежным, мелодичным голосом сказала:

– Я пришла к вам за помощью, меня хотят убить.

От неожиданности я отступил назад, наткнулся на кресло, забыв о хорошем воспитании, плюхнулся в него и спросил:

– Кто?

Гостья снова улыбнулась и пожала точеными плечиками, обтянутыми светло-розовым тоненьким свитерком:

– А вот это и надо выяснить. Вы же детектив?

– Я?

– Ну и Элеонора еще, – добавила она.

Затем она расстегнула сумочку, вытащила из нее газетную страницу и, ткнув пальцем в левую колонку, заинтересовалась:

– Ваше объявление?

Я уставился на строчки: «Опытные детективы Элеонора и Иван Павлович Подушкин разрешат любые деликатные обстоятельства. Полная конфиденциальность и быстрота исследований обеспечены. Оплата по факту, расценки умеренные. Делами о супружеских изменах не занимаемся, пропавшие автомобили и убежавших животных не ищем».

Сказать, что я обозлился, – это не сказать ничего. Ну, Элеонора! Совсем с ума сошла!

Моя хозяйка, удачливая предпринимательница, наладила свой приносящий немалый доход бизнес таким образом, что он великолепно крутится без постоянного присмотра владелицы. Нора умеет выбирать служащих, на которых можно положиться. Любая другая дама, поняв, что получает огромные деньги без особых усилий, мигом бы превратила свою жизнь в сплошное удовольствие: магазины, светские вечеринки, тусовки, путешествия за границу.

Любая, но не Элеонора. Моя хозяйка терпеть не может пустой болтовни и лежания на пляже, а путешествия для нее связаны с определенными трудностями, потому что Нора прикована к инвалидной коляске – у нее парализованы ноги. Правда, ее кресло суперсовременное, оно легко пролезает даже в самые узкие двери и умеет «шагать» по лестнице. Но все равно Нора достаточно беспомощна, то, что не требует от здорового человека никаких усилий, допустим, поход в душ, для нее превращается в сложную процедуру. Дома при помощи хитрых приспособлений она способна обслужить себя сама, но в гостинице начнет испытывать затруднения. А менталитет Норы не позволяет ей робко просить о помощи. Моя хозяйка терпеть не может вызывать к себе чувство жалости. Впрочем, обычно она ведет себя так, что вам и в голову не придет испытывать к ней сострадание.

На беду, Элеонора обожает детективы, прочла всю классику жанра и теперь безутешна. Современные авторы ей совершенно не по душе, а ее обожаемый Рекс Стаут больше ничего не напишет. Но не в характере Норы долго убиваться. Не так давно ей в голову пришла дикая мысль. Если читать теперь нечего, значит, следует самой заняться расследованиями. В первый раз хозяйку толкнула на детективную стезю неприятная история, произошедшая с ее внучкой Ритой. Ну а потом Нора увлеклась и помогла своей подруге, попавшей в жуткую ситуацию. Этих двух приключений хватило, чтобы Нора укрепилась во мнении: она теперь сыщик Ниро Вульф,

я – Арчи Гудвин, а наша домработница Ленка, ужасная недо-тепа, – повар Фриц. Не хватает только садовника. Помните, Ниро Вульф разводил орхидеи, Нора пока до этого не до-шла. Правда, Ленка, прочитав на старости лет впервые кни-ги Рекса Стаута, возомнила себя гениальной кулинаркой и вдохновенно ваяет несъедобные блюда. Рецепты домработ-ница черпает у Стаута, причем обращается она с ними более чем вольно, ничтоже сумняшеся заменяя одни ингредиенты другими. Все-таки в Москве, даже такой изобильной, как се-годня, затруднительно достать «седло антилопы». Но Ленку подобной ерундой не смутить. Вместо антилопы она возьмет свинину, голубя заменит курицей, диковинные приправы – перцем – и пожалуйста к столу. Результат, как правило, ока-зывается чудовищным. Мы с Норой мигом выбрасываем со-держимое тарелок в окно и, чтобы не обидеть Ленку, расхва-ливаем яства, чем стимулируем глупышку на новые кулинар-ные подвиги. Следовало бы, набравшись окаянства, заявить: «Лена, ты лучше вымети пыль из углов и хорошенько вымой полы. Оставь в покое кастрюли, ими займется кухарка!»

Но Нора не может сказать Ленке эту фразу. Почему, я тут объяснять не стану, рассказывал уже один раз сию исто-рию и повторяться не желаю. Я же, к сожалению, не спосо-бен оскорбить женщину, чем беззастенчиво пользуются все, кому не лень, от моей матушки до любовниц. Поэтому мне пришлось осваивать такие точки питания, как «Ростикс», пицца «Сбарро» и «Елки-палки». До «Макдоналдса» я все-

таки не опустился, хотя лапша быстрого приготовления стала казаться мне вполне приемлемым ужином, я даже научился в ней разбираться. Та, что «со вкусом говядины», – редкостная мерзость, зато грибной вариант вполне ничего. Интересно, какой предпочитает Нора? Пару раз, услышав, как я вхожу в кабинет, она быстро прятала в стол знакомые белые лоточки.

Но одно дело помогать приятельницам выпутываться из неприятных историй, а другое – давать объявление в газету. И потом, я не собираюсь вновь носиться по улицам и копаться в чужом грязном белье, кроме того, на занятия частным сыском требуется лицензия.

Все эти соображения вихрем пронеслись в моей голове, но сказать я ничего не успел, потому что в холле повеяло ароматом «Миракль», духов, которые обожает Нора, а следом за облаком парфюма в гостиную вкатилась и хозяйка, как всегда, безукоризненно причесанная, намакияженная, одетая и при бриллиантовых серьгах, в общем, типичный российский инвалид.

– Вас хотят убить? – резким голосом спросила она. – Очень хорошо! Ступайте за мной.

Гостя посеменила за инвалидной коляской, я двинулся следом. «Вас хотят убить? Очень хорошо...» Не хочу показаться занудой, но люди никогда не вслушиваются в то, что говорят. Когда я заканчивал школу, наша директриса отличилась на выпускном вечере. Влезла на сцену, где стояла ше-

ренга девочек в белых платьях и мальчиков, впервые надевших костюмы, схватила микрофон и проорала:

– Сегодня у нас радостный день. Провожаем десятиклассников в последний путь.

Естественно, мы захихикали. Директриса, между прочим, преподавала русский язык и литературу и сообразила, что несет нечто несуразное. Она решила исправить положение:

– Извините, я оговорилась. Итак, сегодня счастливый день, наши дети выходят на большую дорогу!

Сами понимаете, что торжественная часть провалилась, от смеха рыдали все: и школьники, и родители, и учителя.

Покачивая головой, я вошел в кабинет и сел за маленький столик.

– Слушаю, – отрывисто сказала Нора, – рассказывайте все в деталях.

Девушка кивнула:

– Меня зовут Алена Шергина, я работаю в туристическом бюро «Злата», отправляю людей в самые разные страны, сама иногда езжу. Хорошая служба, приятное начальство.

Я слушал ее нежный, мелодичный голосок и любовался лицом. Фарфорово-белая кожа, огромные голубые глаза, изящный носик, пухлые губки. Молода и очень хороша собой, в особенности притягивали взгляд волосы, темно-каштановая копна блестящих перепутанных кудрей. Создавалось впечатление, что она забыла причесаться, но, я думаю, романтический беспорядок стоил ей немалых денег в

дорогом салоне.

Я перевел взгляд на ее руки. Сразу видно, что Алена ничего тяжелей шариковой ручки не поднимает. Да и затруднительно тоненькими пальчиками с такими длинными, покрытыми нежно-розовым лаком коготками драить полы или чистить краны.

Неожиданно Алена подняла правую руку и откинула со лба прядь. Рукав свитера задрался, обнажилось запястье. Я вздрогнул. На внутренней стороне руки виднелся отвратительный толстый шрам, вернее, коллоидный рубец розово-серого цвета, возвышавшийся над кожей.

Алена мигом перехватила мой взгляд, одернула рукав и продолжила рассказ.

В деньгах она не нуждается. Живет одна, в квартире, доставшейся от отца, известного художника советской поры. К сожалению, Борис Шергин умер, а матери Алена лишилась еще в младенчестве – та попала под машину, когда дочери исполнилось всего несколько месяцев. Девочку воспитывали няньки. Сейчас семьи у нее нет, поэтому Алена пока живет в свое удовольствие. Зиму и осень проводит в городе, весну и лето на даче. Загородный особняк тоже построил папа. Так что до последнего времени Алена существовала без всяких хлопот и забот, но примерно месяц тому назад начались непонятные странности.

В начале января девушка возвращалась домой со службы поздно: около часа ночи. Открыла дверь парадного и отче-

го-то, повинувшись какому-то порыву, не шагнула сразу вперед, а затормозила на пороге. Через секунду сверху упала старая кастрюля, наполненная серной кислотой. Не задержись Алена у входа, она бы, скорей всего, погибла. Шапки она не носит, и кислота, вероятней всего, попала бы ей на голову. В подъезде нет лифтера, и в час ночи никто из жильцов не шагает туда-сюда. Алена жизнь могла закончиться в мучениях на грязном полу.

Перепуганная девушка прибежала домой. В тот момент ей не пришло в голову, что кастрюля с адским содержимым предназначалась именно ей. Она подумала, что неизвестные подонки решили позабавиться таким варварским образом. В милицию Алена не обращалась, она не верит в то, что сотрудники правоохранительных органов способны хоть кого-нибудь защитить. После жуткого происшествия Алена приобрела привычку, распахнув дверь в подъезд, стоять по пять минут у входа. Но больше ничего подобного не происходило.

Следующая неприятность ждала ее через пару дней. Когда Шергина вышла из супермаркета «Орион» с продуктами, прямо у ее ног шлепнулся литровый «Домик в деревне». Алена попятилась назад. Упаковка, очевидно, летела с большой высоты: ударившись об асфальт, пакет оставил в нем вмятину. Алена чуть не упала в обморок, поняв, что было бы с ее головой, попади на нее «Домик» с молоком. Подбежавший охранник со злостью сказал:

– Вот падла.

– Кто? – ошарашенно поинтересовалась Алена.

– Да бабка здесь живет, – пояснил секьюрити, – квартира над нашим супермаркетом расположена. Житья от нее нет, все письма писала в санэпидемстанцию. Дескать, на ее жилплощади тараканы, а виноват в этом продуктовый магазин. Хотели миром дело решить, предложили ей скидку, нет, не желает. Требуем, чтобы супермаркет закрыли. А когда поняла, что наш хозяин со всеми договорился, сменила тактику. Залезает на последний этаж и швыряет на посетителей что ни попадя!

– Что же вы ей это позволяете? – дрожащим голосом осведомилась Алена. – Так ведь и убить можно.

– Поймать не получается, – вздохнул охранник, – пока до верха доберемся, ее и след простыл, проворная, гадина.

Решив больше никогда не заглядывать в «Орион», Алена вернулась домой. Но через два дня снова попала в историю.

У нее есть машина, причем «с иголочки», купленная перед Новым годом, не слишком дорогая «Нексия». Алена хорошо водит автомобиль и даже слегка разбирается в моторе. Десятого января она села за руль и покатила в гости к подруге, которая постоянно живет за городом. Тот факт, что подружка имеет дом в Подмосковье, и спас в очередной раз жизнь Алены. Случись неприятность на городской магистрали, от хорошенькой иномарки и ее владелицы не осталось бы ни рожек, ни ножек, потому что стоило только Алене вы-

ехать на Ново-Рижское шоссе, как педаль тормоза «провалилась». К счастью, случилось это на небольшом подъеме, впереди не было машин, и Шергина не растерялась, переместилась в правый ряд, попыталась насколько возможно снизить скорость и потом въехала в большой сугроб, маячивший на обочине. Естественно, Алена предъявила претензии салону, продавшему ей неисправную «Нексию». Служащие засуетились, быстро провели экспертизу и сообщили: автомобиль в полном порядке, но кто-то надрезал шланги, в которых циркулирует тормозная жидкость. Даже не хочется думать, чем могло закончиться дело, откажи тормоза на МКАД, по которой Алена гоняет в крайнем левом ряду со скоростью больше ста километров в час. Для тех, кто никогда не оказывался на Московской кольцевой автодороге, поясню: по этой магистрали с ревом несутся разнокалиберные транспортные средства, а слева тянется бетонное ограждение. Алена пользуется этим шоссе минимум два раза в день – едет на работу и потом домой, это быстрее, чем пилить через вечно забитую машинами Москву.

Сотрудники салона настоятельно посоветовали своей клиентке обратиться в милицию, но Алена никуда не пошла.

В этот момент из сумочки Шергиной донесся писк. Девушка вытащила мобильный.

– Не волнуйся, со мной все в порядке, просто мы еще разговариваем.

– Вы приехали не одна? – поинтересовалась Нора.

– Да... – ответила Алена. – У подъезда, в машине, сидит мой приятель, Илья Наметкин, может, его тоже позвать?

– Естественно, – хмыкнула Элеонора, – пусть заходит.

Глава 2

Через пять минут в кабинете оказался молодой человек, по виду лет восемнадцати, не больше. Похоже, он сильно нервничал, потому что протянутая мне рука была влажной, а лоб покрывали мелкие капельки пота.

– Глупая затея пришла Аленке в голову, – хриплым баском сказал он, – никто ее убивать не собирается, просто это цепь случайностей.

– Вам не кажется, что их слишком много? – без тени улыбки спросила Нора. – Кастрюля, пакет, машина... Алена, вы богаты?

Девушка пожала плечами:

– Скажем так, обеспечена. Имею квартиру, машину, – впрочем, «Нексию» продала, купила другую, – дачу, стабильный заработок. Но особого богатства нет, средний уровень. Хотя кое-кому мое положение может показаться завидным.

– Вы составили завещание?

– Нет, а зачем? – вздернула вверх брови Алена. – И потом, у меня всего лишь одна дальняя родственница, она старше меня, из близких подруг только Варя Арсеньева, я не очень-то легко схожусь с людьми.

– Та-ак, понятно, – протянула Нора и побарабанила пальцами по столу. – У вас есть враги?

Алена покачала головой:

– Нет.

– Так не бывает, – безапелляционно заявила Элеонора, – вспоминайте, кому наступили на хвост. Увели мужа у приятельницы, подсадили коллегу на работе...

Алена пожала плечами:

– Я никогда не заигрываю с женатыми мужчинами. Считаю, если кавалер имеет штамп в паспорте, то он обязан жить со своей женой. На службе у нас великолепные отношения, в клиентах мы недостатка не испытываем, и потом, в «Злате» люди сидят на окладе, и неважно, сколько туристов ты обслужил – десять или сто, все равно в конце месяца получишь оговоренную контрактом сумму.

– Вспоминайте, – настаивала Нора, – похоже, вас задумал сжить со свету кто-то из близких.

– Отчего вы так решили? – влез в разговор Илья. – Может, это маньяк.

– Для постороннего человека преступник слишком осведомлен, – пустилась в объяснения Нора, – ну подумайте сами. Он знает, что вы придете домой поздно, около часа ночи, и устанавливает кастрюлю с серной кислотой. Кстати, неглупая идея. Обратись вы в милицию, там бы точно сказали, что действует подонок, задумавший убить абы кого. Поставил сверху на дверь емкость и ушел. Мало ли кто потянет ручку. Но на самом деле тут имелся тонкий расчет. Негодяй знал, что вы вернетесь домой около часа, причем был в этом

совершенно уверен! Ну-ка, вспоминайте, кто в курсе ваших дел?

– Дай мне закурить, – нервно попросила Алена у спутника, – свои в машине забыла.

Илья вытащил из кармана «Житан».

– У меня же очень крепкие.

– Давай, давай, – отмахнулась Алена.

Затянувшись, она поперхнулась и тут же загасила сигарету.

– Говорил же, – покачал головой Илья, – слишком тяжелые, тебе не по вкусу.

– Хотите мои? – предложил я и вынул «Мальборо».

Алена с сомнением посмотрела на бело-красную пачку.

– Нет, спасибо. Вообще говоря, я мало курю и употребляю только очень слабые, ментоловые сигареты. Лучше потерплю. Какая гадость этот «Житан»!

– Согласна, – кивнула Нора и вытащила свои любимые папиросы «Беломорканал».

Для меня остается загадкой, где моя хозяйка приобретает это жуткое курево, в ларьках и магазинах его нет.

– Так кто знал, что вы пойдете домой около часа ночи? – настаивала Нора.

– Да все, – протянула Алена, – дело в том, что в тот день «Злата» справляла день рождения шефа в ресторане. Хозяин позвал сотрудников, постоянных клиентов, человек сто, не меньше.

– Так, – нахмурилась Нора, – попробуем с другой стороны. Кто был в курсе, что вы отправитесь в «Орион» за продуктами?

Алена принялась теревить рукав свитерка.

– Каждый вечер туда хожу. Супермаркет рядом с моим домом.

– Говорю же, совпадение, – снова засуетился Илья.

Алена глянула на спутника:

– А газ?

– Какой газ? – насторожилась Нора.

– Так почему я сегодня к вам приехала, – воскликнула Шергина, – вы до конца дослушайте!

По мере ее дальнейшего рассказа лицо Элеоноры вытягивалось. Я тоже насторожился. Если происшествия с серной кислотой, пакетом молока и автомобилем еще худо-бедно, но можно было счесть за случайность, то произошедшее сегодня не лезло ни в какие ворота.

Утром Алена, как всегда, отправилась на службу. Приехала в контору, раскрыла портфель с документами и схватилась за голову. Папка с путевками и билетами осталась лежать дома на кухне, на столе. Очевидно, торопясь на работу, девушка попросту забыла ее. Пришлось, чертыхаясь, нестись назад.

Войдя в квартиру, Алена почувствовала резкий неприятный запах. Девушка вбежала в кухню и остолбенела. Самая большая конфорка была открыта, на ней стоял чайник с во-

дой. Быстро перекрыв газ, Алена плюхнулась в кресло. Самые мрачные мысли полезли в голову. Во-первых, она очень хорошо помнила, что выключила плиту и даже завернула кран на трубе. Во-вторых, девушка никогда утром не ставит на огонь чайник, а варит кофе в небольшой джезве. В-третьих, всегда перед уходом открывает форточки, потому что не любит возвращаться в душную квартиру. И было необъяснимо, каким образом вышло так, что плита оказалась включенной, окна крепко закрытыми, а чайник стоял на конфорке?

– Понимаете, – горячилась Алена, – у меня есть привычка: войдя в подъезд, я закуриваю и захожу в квартиру с зажженной сигаретой.

– Странное какое пристрастие! – не вытерпел я. – Почему вы не закуриваете дома, в кресле? Сами же только что говорили: курите мало.

Алена улыбнулась:

– Детский комплекс. Отец не разрешал мне дымить. Я и курить-то начала в подростковом возрасте, чтобы доказать окружающим свою взрослость. Папа нещадно ругал, один раз даже ремнем выпорол. Странное поведение для человека, который сам курил с двенадцати лет. Но факт остается фактом, отец не мог меня видеть с сигаретой, но в двадцать один год я ему категорически заявила: «Я совершеннолетняя не только по нашим, но даже и по европейским законам и буду курить где и сколько хочу».

Глупо, конечно, да и сигареты мне не слишком нравились, но очень уж хотелось отстоять свою самостоятельность. Вот поэтому-то, входя в подъезд, я специально закуривала и являлась в таком виде перед отцом.

Папа умер, а привычка осталась. Представляете, что бы произошло, не оставь я дома документы?

Из моей груди вырвался вздох. Думаю, ничего хорошего. Газ наполняет квартиру, форточки закрыты, а тут распахивается дверь, и появляется хозяйка с зажженной сигаретой. И ведь никто бы потом не заподозрил злого умысла. Все выглядит до примитивности просто. Алена ушла на работу, забыв на плите чайник. Вода вскипела, перелилась через край, загасила огонь... Сколько таких случаев по Москве? Небось не один и не два.

– Хорошо, – Нора хлопнула рукой по столу, – ясно. Значит, так, сейчас пока прекратим разговор. Время позднее.

– Действительно, – ответила Алена, – я приду завтра, после работы.

– Нет, – покачала головой Нора, – на службу не ходите, скажитесь больной. Жду вас к полудню, станем составлять список ваших знакомых.

– Я знаю, кто преступник, – неожиданно заявил Илья, – Марина Райкова!

– Не пори чушь! – взлетела Алена. – Ты ее просто не любишь!

– Но ведь за дело!

– Кто такая Райкова? – перебила их спор Нора.

– Моя школьная подруга Марина, – пояснила Алена, – мы были очень близки, а потом разошлись.

– Из-за чего?

– Это к делу не относится, да и поссорились мы год назад, даже больше.

– Мужика не поделили, – ухмыльнулся Илья, – из-за чего бабы ругаются.

Шергина рассердилась:

– Глупости.

– Ну-ка расскажите, – велела Нора.

– Поверьте, Марина ни при чем!

– История такая некрасивая, что вам стыдно ее рассказывать? – резко спросила Нора.

Алена разозлилась:

– Да нет, ерунда просто! В сентябре позапрошлого года я ездила отдыхать в Испанию и познакомилась там с молодым парнем, банкиром, Костей Рябовым.

Финансист оказался молод, хорош собой, приветлив и холост. Тут же начался роман, и в Москву Алена уже летела с твердой уверенностью, что с одинокой жизнью покончено. Отношения продолжились и дома, и Шергина, естественно, познакомила Костю с Мариной.

Лучшая подруга не растерялась и отбила парня. Алена обиделась и порвала с ней. Костя женился на Марине, но в феврале прошлого года приехал к Алене, стал жаловаться на

тяжелую семейную жизнь. Слово за слово – они оказались в постели. И тут, словно в дурном анекдоте, в квартиру влетела Марина.

– Что же вы открыли ей дверь? – удивилась Нора.

– У нее хранятся вторые ключи, – пояснила Алена, – на всякий случай, вдруг я свои потеряю, чтобы дверь не ломать!

– И вы не поменяли замок, когда поругались?

– Нет, забыла.

– А что было после неприятной встречи?

Шергина тяжело вздохнула:

– Надо было, конечно, заняться замком. Но у меня железная дверь по спецзаказу, нужно вызвать мастера из фирмы, просидеть целый день дома. Было все недосуг.

– А ключи у Марины вы не отобрали?

Алена улыбнулась:

– Я в тот раз, когда она влетела ко мне, босиком со страху на мороз выскочила, вернулась лишь после того, как они уехали. Сами понимаете, не до ключей было, а звонить ей сейчас жутко не хочется.

– Значит, ключи от вашей квартиры имелись у Марины? – уточнила Нора.

– Выходит, так, – кивнула Алена. – Она, кстати, присутствовала на вечере, который устроила фирма, Марина наша давняя клиентка.

– И она знает про то, в какой супермаркет ты ходишь и где стоит машина, – кипятился Илья.

Алена замаялась и потом с неохотой произнесла:

– Конечно, не слишком приятно так думать, но похоже на то... Марининых рук это дело. Костя-то после того случая от нее ушел и ко мне опять переметнулся, а я его неделю около себя продержала и выставила. Не люблю предателей. Впрочем, все, что ни делается, к лучшему. Я встретила Илью, и мы счастливы.

– Ладно, – кивнула Нора, – теперь слушайте. Домой не ходите, поезжайте к Илье.

Парень покраснел:

– Это невозможно, я живу с родителями, а у них старорежимные взгляды.

Алена рассмеялась:

– Его маменька меня на дух не переносит, потому что я старше Илюши на восемь лет.

– Сколько вам? – бесцеремонно спросила Нора.

– Тридцать пять, – спокойно ответила Алена.

Я поперхнулся. Надо же так великолепно выглядеть: фигура, лицо – все как у девочки. Наверное, она львиную долю времени проводит в косметических клиниках и фитнес-клубах. Странно, однако, что Алена так по-идиотски одета. Словно подслушав мои мысли, посетительница сказала:

– Сама думала, что надо спрятаться. Приехала к вам на машине Илюши, оделась жутким образом, чтобы меня не узнали.

– Правильно, – одобрила Нора.

– Эх, жаль, Варя в командировке, – вздохнула Алена, – это единственный человек на свете, который не предаст. Но, увы, она уехала, будет только завтра. Кстати, вот тут пятьсот долларов – задаток.

– Не надо, – отмахнулась Нора.

– Как же? – удивилась Алена. – Вам ведь понадобятся деньги на расходы.

Я постарался не рассмеяться. Клиентка не знает, что Нора собирается «детективить» исключительно из спортивного интереса. Думаю, ей и в голову не пришло, что сей вид деятельности может принести доход. Интересно, что Элеонора ответит?

Но моя хозяйка решила играть роль до конца. Она кивнула, взяла банкноты, потом открыла ящик письменного стола, вытащила оттуда пачку квитанций и выписала приходный ордер, чем удивила меня до крайности.

Алена и Илья откланялись и ушли. Я проводил пару до двери и подал Алене курточку из синтетической крысы.

– Спасибо, – кивнула она и повернула ко мне лицо, – вот, думала, дождь пойдет.

– Дождь в феврале? – поддержал я разговор. – Вроде обещали мороз.

– Синоптики ошибаются один раз, но каждый день, – улыбнулась Алена.

Я тоже улыбнулся в ответ. Похоже, Шергина в машине слушает «Русское радио», шутка принадлежит Фоменко.

– Только я предсказываю погоду почти со стопроцентной точностью, – продолжила Алена.

– Вы ведьма? – подыграл я ей.

– Начинаящая, – кокетливо стрельнула глазами Алена, – но в действительности все проще: видите, у меня на запястье шрам?

– Да.

– Попала в юности в автокатастрофу, легко отделалась, только стеклом очень сильно порезала руку, с тех пор шрам ноет к переменам погоды, вот увидите, идет потепление.

– Давай торопись, – хмуро велел Илья и буквально вытолкнул спутницу на лестницу.

Я быстро свернул в кухню и глянул в окно. Парочка стояла у «Жигулей», цвет которых в полумраке уличного фонаря было трудно определить, то ли синие, то ли зеленые, то ли коричневые, одно ясно, машина не светлая.

Несколько минут Илья, размахивая руками, пытался что-то втолковать своей спутнице. Та молча смотрела в землю, потом резко рванула дверцу машины и устроилась на переднем сиденье. Автомобиль подскочил, заглох, потом снова завелся и исчез за поворотом. Я пошел в свою комнату. Похоже, эта Алена девушка с характером, хорошо знающая, какое впечатление она производит на мужчин. Илье не позавидуешь, хотя лично мне всегда больше нравились стервы, чем уютные, домашние тетки, варящие супы. С женщиной, которая знает себе цену, с особой, сделавшей карьеру, с самодо-

статочной личностью интересней, она не даст вам скучать. Хотя с рачительной хозяйкой намного спокойней и удобней. Но у меня на второй день общения с девушкой, которая ни о чем, кроме кухни и будущих детей, не думает, начинается отчаянная зевота. Хотя, повторюсь, жениться следует именно на такой, но меня, словно магнитом, тянет к противоположностям.

На следующий день Нора напрасно прождала Алену. Та не явилась.

– Может, она все же решила отправиться на работу? – предположил я. – Шергина оставила служебный телефон?

– Нет, – покачала головой Нора, – только номер этой Вари Арсеньевой, сказала, что подруга приедет сегодня рано утром и Алена ей сообщит, где будет пока жить. Вот что, позвони и узнай, что помешало нашей встрече.

Я взял протянутую бумажку и набрал номер. Долго слушал длинные гудки: ту-ту-ту...

– Похоже, там никого нет, – сказал я, не вешая трубку.

– Может, и впрямь на работу пошла, – пробурчала Нора. – Тебя вчера в разговоре ничего не смутило?

– Да нет, разве что неподходящая одежда, но ведь она объяснила, отчего так вырядилась.

Элеонора нахмурилась:

– Ты в своем репертуаре, видишь лишь внешнюю сторону. Да не в штанах дело. Вспомни, сначала она с пафосом заявила, что никогда не имела дела с женатыми мужчинами,

а через пару минут выяснилось: лучшая подруга застучала ее со своим супругом в постели.

– Бывшая, – уточнил я.

– Что? – не поняла Нора.

– Подруга бывшая, к тому же эта Марина Райкова уведла господина Рябова у Алены. Наверное, последняя решила, что в этом случае ее порядочность спит.

– Не знаю, не знаю, – протянула Нора, – может, она еще кого обидела! Человек не может прожить, не задев ни одну личность.

– Алло, – прозвучало из трубки, – алло!

Я вздрогнул, совсем забыл, что набрал номер Вари Арсеньевой и не отсоединился.

– Извините, меня зовут Иван Павлович Подушкин. Скажите, Алена Шергина у вас?

Из трубки донеслись сдавленные рыдания. Я неожиданно почувствовал леденящее чувство тревоги и воскликнул:

– Что случилось?

– Алена разбилась на машине насмерть, – кое-как справившись со слезами, сообщила Варя и отсоединилась.

Я уставился на Нору.

– Ну? – нетерпеливо поинтересовалась хозяйка. – Рассказывай быстрее.

– Шергина умерла, погибла в автомобильной катастрофе.

Глава 3

– Где? Когда? Почему? – завопила Нора.

– Не знаю, эта Варя положила трубку.

– Немедленно звони еще раз.

Я попытался сопротивляться:

– Нора, клиентка мертва, следовательно, мы свободны от обязательств!

– А вот и нет! Она внесла залог, а я всегда отрабатываю взятые деньги, – с красным от возбуждения лицом заявила Элеонора. – Алена заплатила мне за поиск того, кто хотел ее убить. Значит, я начну немедленно работать.

– Она отдала лишь залог!

– Нет! Мои услуги стоят полтысячи, – заявила Нора.

Так, понятно. Ненормальная дама желает во что бы то ни стало ввязаться в криминальное приключение, она сейчас того и гляди затопает ногами, как капризный ребенок, которому не дали очередную игрушку. Хотя сравнение плохое, потому что ноги совершенно не слушаются Нору.

– Значит, так, Ваня, – понеслась хозяйка, – звони этой Вере, узнавай ее адрес и отправляйся, уточни все детали.

– Мы не имеем права заниматься расследованиями.

– Почему?

– Для такой деятельности требуется лицензия.

Нора фыркнула, подкатила к письменному столу и выта-

щила из верхнего ящика бумагу.

– На, убедись! Все оформлено по правилам.

Я не поверил своим глазам. Эта сумасшедшая основала агентство и назвала его «НИРО».

– Это тебе, – сообщила хозяйка и протянула темно-красную книжечку. – Документ, удостоверяющий, что являешься детективом, правда, без права ношения оружия.

– Хоть за это спасибо, – ожил я, – боюсь, мне некомфортно было бы с «наганом» в кармане.

– Револьвер носят в кобуре, – сообщила Нора.

– Где вы взяли лицензию?

– Купила, – совершенно спокойно пояснила хозяйка, – поверь, это очень просто, раз-два, и готово.

– Но я вовсе не хочу быть детективом, меня вполне устраивает прежняя должность ответственного секретаря фонда «Милосердие».

– Тебя никто и не спрашивает, – заявила Нора, – давай действуй.

Меня неприятно поразила ее бесцеремонность.

– Нет, извините, но...

– Иван Павлович, – отчеканила Нора, – выбирай: либо ты меня слушаешься, либо мы расстаемся.

Я слегка растерялся. Я работаю у Норы не первый год, привык к ней и, честно говоря, совсем не собирался менять место службы, оно вполне устраивает меня, вот если бы только не Норина идиотская страсть к криминальным приклю-

чениям!

Не успел я сообразить, что следует ответить, как зазвонил телефон.

– Пока ты еще мой секретарь, изволь ответить, – сердито рявкнула Элеонора.

Я повиновался и вздрогнул. Из наушника понесся высокий капризный голосок моей маменьки Николетты.

– Ваня!!! Мне срочно нужно к врачу!!! К офтальмологу!

Слушая, как она тарахтит, забыв поинтересоваться о моих делах, я постарался не терять присутствия духа. По голосу Николетте можно дать около тридцати, впрочем, со спины примерно столько же. Вечером, при мягком электрическом освещении, она кажется чуть-чуть старше. И только безжалостно ярким солнечным утром вам станет понятно, что матушка справила пятидесятилетие. Впрочем, если вы вспомните, что мне уже стукнуло сорок и Николетта родила своего единственного ребенка не в юном, двадцатилетнем, возрасте, а значительно позже, то живо сообразите, что и пятьдесят лет – цифра неверная.

– И хочу только к Розенкранцу, ни к кому другому, – закончила трещать матушка, – записалась на завтра, на десять утра. Изволь меня отвезти да прихватить тысячи полторы долларов.

– Зачем так много? – безнадежно спросил я.

– Вава! – возмутилась маменька. – Прием у академика стоит три сотни, потом анализы, линзы, ну и всякое прочее.

Знаешь, лучше возьми две. Все, целую, завтра в девять у моего подъезда.

Прочитав последнюю фразу, Ниолетта бросила трубку. Она всегда так поступает, скажет то, что считает нужным, и прерывает разговор, не собираясь выслушивать собеседника. Ниолетту не волнует ни чужое мнение, ни чужие проблемы.

– Матушка требует к ноге? – усмехнулась Нора. – Ты слишком почтительный сын. Как-нибудь пошли ее подальше, вот увидишь, она станет шелковой. Разбаловал ее твой отец до неприличия, а ты собираешь ягодки. Ну так как, увольняешься или продолжаем работать? Если решил уходить, тогда поторопись. Жить-то где станешь? Дома, с Ниолеттой?

Я почувствовал себя мышью, которую загнали в угол две жирные, нагло улыбающиеся кошки. Нора знакома с моей матерью полжизни и очень хорошо понимает, что оказаться с Ниолеттой в одной квартире для меня смерти подобно. Матушка способна превратить совместное проживание в ад. Уж на что спокоен и незлобив был мой отец, а и то не выдерживал жену, в четверг вечером обязательно уезжал на дачу, объявив:

– Книгу скоро сдавать, на свежем воздухе лучше работается.

В воскресенье ему, правда, приходилось возвращаться, выслушивать крики, упреки и врать разъяренной жене по-

дарки. Мой отец старательно откупался от Николетты. Материальных проблем у него не было, а колечко с бриллиантом мигмом приводило супругу в хорошее расположение духа, правда, ненадолго, дня на два, но мой папенька радовался любой передышке.

Если Николетта узнает, что я лишился работы, а с ней вместе и немаленького заработка, она придет в ярость, и мне мало не покажется.

– Так как? – всепонимающе улыбнулась Нора. – Звать Ленку и велеть ей снять чемодан с антресолей? Или все-таки поедешь к этой Варе Арсеньевой?

Наверное, самое приятное в богатстве – это собственная независимость. Но я, к сожалению, лишен счета в банке и вынужден частенько заниматься такими делами, к которым абсолютно не расположен ни духовно, ни физически.

Ничего не сказав Норе, я вновь набрал номер и произнес:

– Варя, очень прошу, не бросайте трубку.

Договорившись с Арсеньевой о встрече через два часа, я пошел к выходу.

– Ваняша, – крикнула Нора, – погоди, я вчера купила тебе подарочек, возьми-ка!

Я вернулся и получил из рук хозяйки библиографическую редкость, прижизненное издание Брюсова в тяжелом кожаном переплете с золотой застежкой.

– Нравится? – наклонила голову набок Нора.

– Спасибо, – улыбнулся я, – великолепная книга.

– Вот и хорошо, – расцвела Элеонора, – а теперь бери ноги в руки и топай поскорей.

Я отнес Брюсова к себе и пошел к машине. В отличие от Николетты Элеонора тонко чувствует настроение другого человека. Брюсова она явно приобрела в качестве презента к моему предстоящему дню рождения, но сейчас, «сломав» секретаря, решила подсластить горькую пилюлю.

Варя Арсеньева жила в блочной пятиэтажке, причем на первом этаже. Войдя в маленький, узкий и темный коридор, я стукнулся головой о свисающий с потолка шар из пластмассы. С моим ростом нелегко находиться в таких квартирках. И дело даже не в том, что, вытянувшись почти до двух метров, я начинаю задевать макушкой электроприборы. В хрущевках мне очень душно и начинает бить кашель.

Варя выглядела не лучшим образом. Ростом и фигурой она походила на Алену: такая же невысокая, худенькая, но на этом сходство заканчивалось. Шергина была красавицей, а Арсеньева напоминала мышь, которая по недоразумению попала в стиральную машину, прокрутилась пару циклов в барабане и вот теперь вылезла и сидит на полу, плохо понимая, что с ней стряслось.

На голове у Вари топорщились редкие блекло-серые прядки, постриженные короче некуда. Маленькое личико с мелкими чертами не задерживало на себе взгляда. Впрочем, может, если она, собираясь на выход, воспользуется космети-

кой, то станет выглядеть намного лучше, на моей памяти несколько раз при помощи туши, губной помады и румян совершалось превращение гадкого утенка в лебедя. Но сейчас Варя стояла передо мной в натуральном виде, с красным носом и сильно припухшими от слез веками.

– Входите, – прошептала она, – ничего, если на кухне посидим?

– Очень люблю это место, – улыбнулся я.

Неожиданно Варя тоже улыбнулась и сказала банальность:

– Путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Я не стал спорить, хотя знаю другую, более короткую дорогу.

Усадив меня за маленький столик, такой крохотный, что я ощутил себя Гулливером в стране лилипутов, Варя засуетилась, готовя чай. К слову сказать, заварила она его хорошо, и я с наслаждением отхлебнул темно-коричневый напиток.

– Что случилось с Аленой? – начал я беседу.

Варя схватила посудное полотенце и прижала к глазам.

– Не знаю, – наконец ответила она.

– Но вы сказали, что...

– Мне позвонили утром, около одиннадцати. Я только-только приехала из командировки, вот чемодан еще не разобрала. – Я проследил глазами за ее рукой и увидел саквояж, на ручке которого болталась бирка «Аэрофлот». – Из больницы, из городка Луковска, – продолжала хозяйка, комкая полотенце, – звонила дежурный врач, а может, медсест-

ра, и сообщила, что Алена умерла, а Илья в тяжелом состоянии.

– Луковск? – удивился я. – Где такой находится?

– В Московской области, – пояснила, шмыгнув носом, Варя, – в принципе не очень далеко, минут пятнадцать от МКАД.

– Но зачем ее туда понесло? – продолжал изумляться я. – Вчера Алена, правда, не сказала, куда поедет.

Варя снова схватилась за посудное полотенце.

– Господи! Я неделю назад отправилась в командировку. Вчера мне вечером, поздно, позвонила Алена и заявила, что переезжает на дачу, сказав: «Не волнуйся, если по телефону не отвечу, сама знаешь, какая у нас зона. Там, возле Луковска, мобильники отвратительно работают, не знаю, в чем дело». Ну почему меня не было? Господи, что же теперь делать?

И она снова залилась слезами.

– Вы не знаете никаких подробностей катастрофы?

– Нет, – пробормотала Варя, – вот собиралась сейчас ехать в Луковск. У Алены же нет никаких родственников, кроме одной провинциалки, мне придется заниматься похоронами. Сейчас такси вызову. А вы, собственно говоря, кем Алене приходиться? – неожиданно закончила она. – Что-то мы не встречались раньше.

– Я на машине, давайте вас отвезу в Луковск, по дороге и поговорим.

– Да, конечно, – закивала Варя и побежала в комнату. Примерно через полчаса мы вырулили со двора. Госпожа Арсеньева побила все рекорды, собралась меньше чем за десять минут. Впрочем, она не стала краситься, просто тщательно умыла заплаканное лицо и надела довольно симпатичный брючный костюм из темно-зеленого твида. Шубка, накинутая сверху, оказалась новой, Варя производила впечатление преуспевающей особы. Если бы она сменила прическу, отпустив вместо экстремального ежика волосы подлиннее, и воспользовалась косметикой, то, очевидно, могла бы сойти за хорошенькую.

– Вы давно знакомы с Аленой? – спросил я, когда «Жигули» прочно включились в пробку на Брестской улице.

– Учились в институте, в одной группе, – пояснила Варя, – Алена была мне не подругой...

– Да? – поразился я. – Кем же?

– Сестрой, – грустно ответила Варя, – ближе человека в этом мире для меня не существует.

– Вы знали, что ее хотят убить?

Варя кивнула:

– Честно говоря, до недавнего времени я считала все происходящее дурацким совпадением. Впрочем, насчет кастрюли с кислотой и тормозов еще можно поразмышлять, а бабка, которая швыряет тяжести на головы посетителей супермаркета, существует на самом деле. Я сама боюсь туда ходить.

– Вы тоже пользовались этим магазином?

Варя кивнула:

– Мы ведь с Аленой в одном доме живем, только на разных этажах.

– Правда? И познакомились лишь в студенческие годы? В детстве не общались?

– Я с родителями до восемнадцати лет провела в Германии, – пояснила Варя, – мой отец военный, служил там в Группе советских войск. А когда вернулся на Родину, получил эту квартиру, правда, сразу умер, а мама раньше скончалась.

– Ясно, – пробормотал я, помолчал пару секунд и не утерпел: – Я вчера так понял, что отец Алены был крупным художником.

– Да, Шергин, помните, когда-то в каждом учреждении висела картина «Москва, Первомай», такое большое полотно, изображающее демонстрацию. На переднем плане мужчина в серой куртке и кепке держит на плечах хорошенькую пухлощекую девчушку с косичками.

– Что-то припоминаю. У ребенка в одной руке синий шар, а в другой красный флажок.

– Точно. Это Шергин нарисовал, а девочка – Алена в детстве, но такой я ее не знала.

– Странно, однако... Известный художник, а жил в вашем доме. Вы меня извините, конечно, но здание не выглядит элитным.

Варя покачала головой:

– Все не так просто. У Шергина двухкомнатная квартира на последнем этаже. Ему в свое время предложили сменить жилплощадь, но Борис Алексеевич отказался, очень не хотел затевать переезд, лень было, у него огромная библиотека, сотни книг. Вот он и придумал, попросил, чтобы ему разрешили использовать чердачное помещение под мастерскую. Если попадете к Алене в квартиру, просто ахнете, насколько все здорово сделано. Внизу перенесли стены, и получилась огромная кухня-гостиная, просторная прихожая и здоровенная ванная. А из чердака Борис Алексеевич сделал жилое помещение, да таких шикарных апартаментов ни у кого нет!

– Что вы думаете про историю с газом?

Варя нахмурилась:

– Ничего хорошего. Хотите знать мое мнение?

– Конечно, говорите.

– Автор этой затеи Марина Райкова. Уж не знаю, как насчет автомобиля, кастрюли и пакета молока, но газ точно она включила!

– Райкова до такой степени ненавидит Алену?

Варя уставилась в окно, помолчала и ответила:

– Она ее видеть не может. Стойте, мы приехали.

Луковск больше походил на отдаленный район Москвы, чем на самостоятельную административную единицу. Перед глазами расстился квартал совершенно одинаковых блочных башен.

– Больница здесь, – Варя ткнула пальцем в желтое пятиэтажное здание.

Не успел я спросить, откуда она знает о местонахождении лечебницы, как моя спутница выскочила из машины и побежала ко входу. Я слегка задержался, потому что сначала парковался, а потом запер «Жигули».

Глава 4

В коридоре, длинном и извилистом, стоял особый, больничный дух. Те, кто бывал в муниципальных клиниках, хорошо понимают, что я имею в виду. В нос ударил аромат, состоящий из смеси запахов хлорки, лекарств и готовящегося гороха. Вокруг стояла странная тишина, и сначала мне показалось, что больных тут нет. Двери в палаты были плотно закрыты, и из-за них не пробивалось ни звука. Очень странные люди лежали тут, они не смотрели телевизор, не слушали радио, не курили у окна. Может, на первом этаже расположены не палаты, а медицинские кабинеты? Но вдруг раздался женский крик, и я, поняв, что голос принадлежит Варе, пошел на звук, без стука распахнул тяжелую, выкрашенную сине-белой краской дверь и увидел довольно симпатичную комнату, обставленную с шиком пятидесятих годов.

В углу большого продавленного черного кожаного дивана в голос рыдала Варя.

– Что случилось? – спросил я.

Стоявший у шкафа мужчина повернулся. В руках он держал стаканчик с темно-коричневой жидкостью. Мой нос уловил запах валерьянки. Странно, однако, что врач решил предложить Варе это лекарство. Принято считать, что настойки и отвары, приготовленные на базе валерьянового корня, хорошее успокаивающее, но они никак не скоропомощ-

ное средство. Выпив один раз сорок вьедливо-пахучих капель, вы не прекратите истерику. Валерьянка накапливается в организме и начинает действовать после пятого, шестого приема. Но люди в массе считают иначе. Спросите, откуда я это знаю? Как-то раз в мои руки попала книга итальянца Томазино Перуджио «Растения. Лекарства и яды». После ее прочтения я перестал относиться к гомеопатии, как к невинной забаве.

– Вы приехали с ней? – спросил у меня доктор.

– Да.

– Очень хорошо, – с облегчением пробормотал врач и буквально влил Варю в рот абсолютно бесполезную настойку.

Но, очевидно, эффект плацебо¹ распространяется на всех. Варя проглотила и затихла.

– Что случилось? – повторил я вопрос.

Доктор принялся рассказывать. Ночью в больницу доставили Илью Наметкина. Парень был в насквозь мокрой одежде. С его рук капала кровь. Прежде чем впасть в неменяемое состояние, он рассказал, что ехал вместе со своей любовницей Аленой Шергиной на ее дачу. Дорога скользкая, а Илья не слишком ловкий водитель. На повороте он не справился с управлением, и «Жигули» слетели с шоссе. На беду, это произошло на берегу довольно широкой и глубокой ре-

¹ Умные врачи иногда предлагают больным таблетки, сделанные из сахара и покрытые яркой глазурью. «Это суперсредство, – шепчут они, – очень дорогое, только для вас, помогает стопроцентно». Самое интересное, что люди выздоравливают, приняв сахар. Подобный эффект носит название «плацебо».

ки со смешным названием Моська. Машина рухнула вниз с крутого обрыва и мигом затонула. Илья не помнит ничего: ни как упал в воду, ни как вылезал из нее, разодрав в кровь об острые обломки льда руки. Ему в тот вечер повезло дважды. В первый раз, когда остался жив и сумел выплыть, и второй, когда его увидели местные парни, катившие с дискотеки домой. У них оказался мобильник, «Скорая» приехала мгновенно. Алена осталась на дне.

– Ее не нашли? – тихо спросил я.

Услышав этот вопрос, Варя снова судорожно зарыдала. Доктор постучал кулаком в стену. Появилась толстая девица, облаченная в белый халат, слишком узкий для ее мощной, грудастой фигуры.

– Слушаю, Степан Аркадьевич, – сказала она.

Врач кивнул на Варю:

– Ася, отведи ее и сделай...

Название лекарства я не разобрал, но медсестра великолепно поняла, что имел в виду доктор.

– Пойдем, милая, – легко подхватила она Варю, – что ж поделать, так господу угодно.

Причитая, она уволокла женщину за дверь. Степан Аркадьевич выжидательно уставился на меня.

– Алену не нашли? – повторил я.

Врач развел руками:

– С утра водолаз работал, машина на дне, двери открыты. Наверное, труп в сторону отбросило. Думаю, еще, конечно,

походят по дну, да только скорей всего весной обнаружат, а может, и нет. Моська – река хитрая, очень глубокая, с омутами. Эх, сколько я ни говорил на районных совещаниях, все без толку.

– О чем?

– Так на том месте три-четыре аварии в год случаются. Шоссе делает крутой поворот, выходит на берег Моськи и снова сворачивает в сторону, такая крутая петля получается, вот машины и слетают с обрыва. Не далее как осенью Иван Леонтьев утонул, тракторист. Машину нашли, а самого лишь через три недели обнаружили, течением утащило да под обрыв затолкало.

– Разве зимой есть течение? – усомнился я. – Простите за дурацкий вопрос, но я действительно не знаю.

Степан Аркадьевич пожал плечами:

– Сам не слишком в этом разбираюсь. Но чуть выше, в Луковске, стоит завод красок, он сливает в Моську всякую дрянь. Тут летом то зеленая вода течет, то красная. Поэтому Моська совершенно непредсказуема, она уже не обычная речка, а мутант, и живет по своим законам. Знаете, какую рыбу тут иногда вылавливают? То безглазую, то двухголовую.

– В каком состоянии Илья?

– Физически в удовлетворительном, несколько ссадин, ушибы, порезанные руки. Но у него посттравматический шок, разговаривает с трудом, в основном спит.

– Можно с ним поговорить?

Степан Аркадьевич встал:

– Попробуйте.

В палате Илья оказался один. Остальные кровати стояли без постельного белья, очевидно, жители Луковска предпочитали болеть дома. Наметкин выглядел ужасно, лицо си-не-зеленого цвета, все в пятнах йода.

– Илья, – позвал я, – слышишь меня?

Юноша открыл глаза:

– Папа...

– Нет, это Иван Павлович, помнишь меня?

– Нет.

– Вы с Аленой вчера были у нас.

– Где она?

– Ты не знаешь?

– Нет.

– Зачем вы поехали в Луковск?

– На дачу, к Алене.

– Помнишь, как упал?

– Куда?

– В воду.

– В какую?

Я замолчал. Похоже, продолжать разговор бессмысленно.

– Где Алена? – монотонно спрашивал Илья. – Где? Позовите ее. Алена! Где?

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – совершенно спокойно от-

ветил доктор, – она сейчас спит в соседней палате. Проснет-ся, и приведем ее к тебе.

Илья затих. Я уже хотел уходить, как дверь палаты распахнулась, и в нее влетела полная женщина лет пятидесяти пяти в зеленой мохеровой кофте.

– Сынок! – завопила она, кидаясь к кровати. – Сыночек! Так и знала, что эта дрянь тебя убьет! Мальчик мой!

– Мама, – прошептал парень и снова закрыл глаза.

– Гадина, – кричала женщина, – мерзавка! Утопила моего ребенка!

– Ляля, успокойся, – пытался остановить ее невысокий крепкий мужчина, вошедший следом в палату.

Но жена продолжала неистовствовать:

– Сволочь! Чувствовало сердце, понимало, беда Илюше от этой... будет!

– Ляля!

– Молчи, – взвилась жена, – гадюка подзаборная!

– Илья! – заорала появившаяся на пороге Варя. Она быстро подлетела к кровати и буквально упала на парня. – Ты убил Алену!!!

– Сука! Утопила Илью! – мигом откликнулась Ляля.

– Все наоборот, – завизжала Варя, – это Илья виноват! Сначала с дороги съехал, а потом сам выплыл, а мою бедную подружку бросил, мерзавец, чтоб он сдох!!!

На секунду женщины замерли друг против друга. Потом Варя издала пронзительный вопль, подскочила и вцепилась

Ляле в волосы. Палата наполнилась визгом. Мы со Степаном Аркадьевичем попытались растащить женщин в стороны. Куда там! Царапающийся, орущий, колотящий ногами клубок катался по относительно просторной палате.

– Делать-то что? – растерянно топтался доктор, наблюдая, как дамы вырывают друг у друга пучки волос. – Не умею я с бабами разбираться.

Я тоже впервые присутствовал при драке нежных созданий и не слишком хорошо понимал, как нужно действовать. Может быть, конфликт утихнет сам по себе? Но баталия, похоже, разгорелась не на шутку.

– У вас есть охрана? – спросил я у Степана Аркадьевича, краем глаза наблюдая, как отец Ильи быстрым шагом выходит в коридор.

– Так им платить надо, – заявил врач. – Деньги-то где взять? Местная администрация не слишком нас балует...

И он начал песню о тяжелом положении медицины.

Я растерянно следил за катающимися по полу бабами. Мужская драка выглядит омерзительно, а уж женская! Дамы моего круга никогда не выясняют отношения в кулачном бою. Надеюсь, Варя и Ляля не покалечат друг друга.

Тут дверь распахнулась, появился отец Ильи с большим ведром. Не успел я понять, что он собирается сделать, как мужик без лишних слов выплеснул грязную жидкость на остервенело колотящую друг друга парочку. Вместе с водой из ведра вылетела темно-коричневая тряпка и упала Ляле

прямо на голову.

– Идиот! – завопила жена, пытаясь стащить «платок». –
Совсем... сраный!

– Сама... – спокойно ответил супруг, – драку в больнице
затеяла!

– Она первая начала, – взвизгнула Ляля, тыча пальцем в
Варю.

Я быстро встал между женщинами.

– Дамы, брэк! Успокойтесь, никто не виноват. Варя, вы
пойдите в туалет, умойтесь, а вы, Ляля, лучше займитесь сы-
ном. Илья, похоже, жив и более или менее здоров. В его воз-
расте синяки и ссадины быстро проходят.

Неожиданно женщины послушались. Варя выскользнула
за дверь, Ляля, тяжело дыша, села на кровать. Степан Арка-
дьевич, очень довольный, что инцидент исчерпан, восклик-
нул:

– Пойду уборщицу позову, – и исчез в коридоре.

Нас осталось четверо. Илья лежал на постели, Ляля сиде-
ла рядом, отец облокотился о подоконник, а я устроился на
одной из незастеленных коек. Курить тут, естественно, нель-
зя, но очень хочется. Наверное, нужно пойти поискать место
для курения.

– Миша, – напряженным голосом неожиданно спросила
Ляля, – что это с ним?

Муж приблизился к жене.

– Спит просто.

– С открытыми глазами?

– Ну... вроде...

Я соскочил с комкастого матраца и подошел к изголовью кровати. На меня неожиданно повеяло холодом. Илья лежал, неудобно вывернув голову. Рот его был приоткрыт, широко распахнутые глаза смотрели в потолок, покрытый серо-зелеными разводами. Щеки у парня ввалились, нос слегка вытянулся, и меньше всего он был похож на живого, мирно спящего человека.

– Чтой-то? – прошептала Ляля. – Илюшенька, отзовись.

У меня сжался желудок, я схватил женщину за плечи и заорал:

– Степан Аркадьевич!!!

Доктор влетел в палату, за ним неслась парочка мужчин в халатах. Поднялась суматоха, абсолютно зряшная. Нас вытолкали в коридор, потом в палату ввезли какие-то приборы самого устрашающего вида. Варя, успевшая более или менее привести себя в порядок, сидела на стуле около Ляли. Я заметил, что недавно убивавшие друг друга женщины трогательно держатся за руки. Миша бегал по коридору, мотаясь туда-сюда, словно безумный маятник.

Наконец из палаты вышел врач, не Степан Аркадьевич, а другой, совсем молоденький, просто мальчик, и хмурым басом сказал:

– Мы не боги.

– Он проснулся? – с наивной надеждой спросила Ляля. –

Ему лучше, да?

Врач покачал головой и почти бегом удалился по коридору.

– Миша, – жалобно протянула Ляля, – что это? Не пойму никак.

Муж шагнул к жене, и тут я услышал легкий стук. Это Варя, не выдержав напряжения, свалилась без чувств на старательно вымытый линолеум.

В Москве я очутился только в девять часов вечера с неутешительными сведениями. Причина смерти Ильи оставалась неясной, вскрытие проведут только завтра, Алена, вернее, ее тело, покоится где-то на дне реки. Пришедшая в себя Варя словно заведенная повторяла, что Алена была лучшим человеком на свете, ее обожали все, кроме Марины Райковой, которая и пыталась убить Шергину.

– Она столкнула автомобиль с обрыва, – монотонно бубнила Варя, – Райкова, я знаю!

Я пытался вразумить Варю:

– Но это невозможно!

– Она, – талдычила Варя, – больше некому. Алену любили все-все.

С Лялей и Мишей мне тоже переговорить не удалось, родители Ильи пребывали в шоковом состоянии.

Я отвез Варю домой и поехал к себе. Уже открывая дверь, внезапно вспомнил, что за весь день не съел ничего, и пожа-

лел, что не остановился по дороге у какой-нибудь харчевни. На ужин, скорей всего, будет несъедобная дрянь, а запасы лапши «Доширак» в спальне подошли к концу. Ладно, сначала отчитаюсь перед Элеонорой, потом съезжу в «Рамстор», там на втором этаже подают вполне пристойную пиццу.

Глава 5

Я вошел в прихожую, аккуратно снял ботинки, пальто и увидел... огромную угольно-черную кошку, меланхолично облизывающую собственный хвост. От изумления у меня выпала из рук вешалка. Животное в нашем доме? Нора благожелательно относится к братьям меньшим, она даже дает деньги для какого-то приюта бродячих животных, но заводить дома никого не собиралась.

Из кухни высунулась Ленка.

– Иван Павлович, вы голодный?

– Нет-нет, – испуганно ответил я, – не беспокойся.

Домработница вышла в коридор.

– Вот и хорошо, ужин-то я не готовила.

– Да? – Я решил из вежливости поддержать разговор. –

Почему?

Ленка хихикнула.

– Представляете, приехал Шурик из деревни и привез Элеоноре в подарок кролика. Сунул мне клетку в руки и говорит: «На, готовь, специально не забивал, чтобы свеженьким доехал». Ну не дурья ли башка? Я ему что, палач, кролика резать?

Я слушал ее неторопливую речь. Шурик – это шофер Норы, приятный, простой паренек из деревенской семьи. Жить бы ему на природе, да только в свое время забрали его в ар-

мию, научили водить машину и приказали возить генерала, крутого дядьку, от которого мигом сбегали все водители.

Шурик был абсолютно неконфликтный, безответный, услужливый и по-деревенски рукастый. С генералом он не спорил, а его жене, молодящейся особе лет пятидесяти, таскал безропотно сумки. Очень скоро из шофера он превратился в прислугу. Возил в детский сад внуков, причем крайне аккуратно одевал и раздевал шаловливых мальчишек, почтительно сопровождал генеральскую тещу в поликлинику и выслушивал без тени раздражения бесконечные старушечьи воспоминания, ездил на рынок со списком продуктов, где ухитрялся купить все качественное и дешевое, выгуливал тучную болонку, которой потом никогда не забывал вымыть лапы, ввинчивал лампочки, вбивал гвозди, чинил все: от стиральной машины до компьютера. Улыбка никогда не сходила с его простого рязанского лица, и очень скоро Шурика полюбили все: гневный генерал, его вредная жена, спесивая теща, избалованная дочь, безобразники-внуки и норвящая всех цапнуть болонка. День, когда Шурику предстояло демобилизоваться, стал черной датой в семье генерала. Не желая терять такого замечательного парня, военный предложил ему сделку: Шурик остается в армии еще на два года, на положении вольнонаемного служащего, и получает за это московскую квартиру вкуже со столичной пропиской.

У кого генерал отнял жилплощадь, осталось за кадром, но он не обманул доверчивого парня. Шурик стал облада-

телем очень хорошей, по московским понятиям, квартиры, считающейся однокомнатной. Именно считающейся, потому что жилплощадь была расположена в доме постройки пятидесятых годов, и рядом с просторной десятиметровой кухней имелось помещение такой же кубатуры, с окном, именуемое кладовкой. Отпахав еще два года, Шурик уволился и стал искать работу на гражданке. И тут генерал, считавший теперь парня кем-то вроде племянника, привел его к Норе.

Элеоноре же до сих пор крайне не везло с водителями. Моя хозяйка боится быстрой езды и терпеть не может тех, кто нарушает правила, а все претенденты на место, желая показать высокий класс управления транспортным средством, мигмом вжимали педаль газа в пол, заставляя «Мерседес» нестись со скоростью более ста пятидесяти километров в час, и Нора, как она потом признавалась мне, сильно жалела, что не использует памперсы.

Шурик же никогда не разгоняется больше чем на шестьдесят километров и, что самое главное, всегда прибывает вовремя. Вот так он и оказался у нас. К слову сказать, генерала парень не бросил и по пятницам по-прежнему возит его жену на рынок, а в свободное время строит на генеральском участке баню. Шурик, он такой, добрый и вечно желающий всем угодить. Где-то раз в месяц он отправляется к своим в деревню и обязательно привозит немудреные подарки: мешок картошки, пару трехлитровых банок с соленьями, домашнюю тушенку. К слову сказать, «синеглазка» – бе-

лая, рассыпчатая, вкусная до безобразия картошка, огурчики хрустят и замечательно пахнут, а свинина не идет ни в какое сравнение с мясом, приобретенным на рынке. И вот сегодня Шурик приволок Норе кролика, но мне кажется, он слегка ошибся.

Я посмотрел на угольно-черную кошку. Под Новый год Шура, хитро улыбаясь, вынул бутылки с самогоном, который гонит его старший брат. Я не большой любитель выпивки, водку не люблю, предпочитаю джин или виски, но тут ради интереса сделал глоток и поразился. Крепкая жидкость, настоянная на черносмородиновых почках, оказалась просто замечательной. Может, вчера Шура слегка перебрал, вот и перепутал кошку с кроликом? Собственно говоря, эти животные похожи, вот только уши разные. Но Ленка-то хороша! Как она не распознала, что за диво приволок шофер?

– Носится теперь по квартире, – пожаловалась домработница. – Шурик говорит, если поймаем, он его на рынок свезет, мясникам, а кроль словно смерть почувал, ну прямо испарился!

Я ткнул пальцем в кошку:

– Ты сюда посмотри!

Лена повернула, как всегда, плохо причесанную голову, помолчала секунду и воскликнула:

– Ну вы даете, Иван Павлович, кролика с кошкой перепутали! Неужто разницы не знаете, так сейчас объясню. У кроля уши длинные, лапки мягкие, без когтей, да и хвост

тяпочкой.

– Какой хвост? – удивился я.

– Тяпочкой, – повторила Лена, – ну пумпочкой такой, понятно?

– Более чем, – язвительно ответил я, – спасибо тебе, очень хорошо разъяснила, теперь я понимаю, чем кролик отличается от кошки. Главное, что его филейную часть украшает тяпочка пумпочкой. Думаю, господин Брем² мигом включил бы тебя в редакционный совет. А теперь скажи на милость, откуда у нас кошка?

– Так Фаина Гаршина принесла, – пояснила Лена, – сама на гастроли поехала, а нам кота оставила и ребенка.

Я слушал Ленкин рассказ. Фаина Гаршина – дочь рано умершей подруги Норы. Моя хозяйка в свое время взяла девочку к себе и попыталась дать той образование в классическом понимании этого слова: иностранный язык, пианино, бассейн, теннис. Но от Фаины все хорошее отскакивало, не задерживаясь. Как Элеонора намучилась с девицей, не передать словами. Ее собственная внучка Риточка, избалованное донельзя существо, выглядела ангелом на фоне Фаины. Рита, правда, могла загулять, и вообще она обожала веселые компании, но девушка училась, а сейчас и вовсе стала серьезной особой, чему немало способствовали форсмажорные обстоятельства³.

² Брем – ученый, автор широко известного труда «Жизнь животных».

³ См. книгу Дарьи Донцовой «Букет прекрасных дам».

Фаина же была трудновоспитуемой. Ее выгнали из четырех школ, и в результате девица оказалась в экстернате. Из английского языка она благополучно выучила лишь словосочетание «гуд бай», а на пианино могла подобрать мелодию, отдаленно напоминающую «Собачий вальс». Три года назад Фаине исполнилось двадцать лет. Элеонора купила ей квартиру и пристроила непутевую девицу на работу. Но поскольку у Фаи нет за душой ничего, кроме школьного аттестата, ее брали лишь на малооплачиваемую службу и гоняли там как сидорову козу. Сами понимаете, что такое положение совершенно не устраивало лентяйку, и она регулярно увольнялась, справедливо полагая, что Нора не даст ей пропасть с голода. На мой взгляд, Фаину следовало в детстве нещадно лупить, а в девичестве заставлять каждый день убирать квартиру, но Нора жалела ее, и в результате вырос и расцвел диковинный цветок. Уж не знаю, чем бы завершилась эта история, но два года назад Фаина в одном из ночных клубов свела знакомство с Настей Фомичевой, тоже оторвой и безобразницей.

Несмотря на то что Насте всего двадцать шесть лет, у нее уже есть двенадцатилетний ребенок, только я забыл, какого пола. Настя подвизалась к группе «Сладкий мед» и предложила Фаине совместную работу. Дальше начались чудеса. Во-первых, нерадивая, страшно ленивая Фаина неожиданно запела. Причем у девчонки оказался хороший, сильный голос, что для нашей эстрады, согласитесь, редкость.

Во-вторых, Фая ловко научилась танцевать, и дуэт, переименованный в «Шоколадку», начал наступление на музыкальный Олимп. Сейчас Фая зарабатывает немереные деньги и с потрясающим энтузиазмом и работоспособностью мотается по городам и весям. Она разъезжает на машине с номером «Фаина» и одевается в самых дорогих бутиках. Для меня осталось загадкой, каким образом можно так преуспеть на подмостках, не имея абсолютно никакого музыкального образования. Но факт остается фактом, ее голос постоянно звучит в радиоэфире, диски продаются с невероятной скоростью, а желтая пресса с восхищением смакует подробности ее бурной личной жизни.

– Уехали они в Тюмень, – тарыхтела Ленка, – а нянька, которая у Настьки работает, в больницу загремела, вот они к нам и прибыли.

– Кто? – не понял я.

– Так ребенок и кошка. Василий и Миранда, – пояснила Лена, – Фаина приволокла, но они Настины.

Не успела домработница захлопнуть рот, как в коридоре показался тонкий, коротко стриженный мальчик в джинсовом костюме. Мне в свое время очень льстило, когда взрослые люди, приходя к отцу, протягивали мне руку и здоровались, как с большим, поэтому сейчас я повернулся к пареньку и сказал:

– Здравствуйте, Василий, рад видеть вас у нас.

Мальчик подошел ближе, поднял на меня фиалковые гла-

за и сказал голосом нежным, как колокольчик.

– Меня зовут Миранда, а Василий – это кот.

Я поперхнулся, но попытался взять себя в руки.

– Миранда! Очень красивое имя, но немного непривычное для мальчика, вы не находите?

Подросток без тени улыбки оглядел меня и ответил:

– Да уж, никак не подходит мальчишке.

– Почему же вас так называли?

– Потому что я девочка, – ответило существо, затянутое в джинсы, и нагло засмеялось.

Я ощутил себя боксером в состоянии нокаута и, пробормотав: «Нора, наверное, заждалась», буквально побежал по коридору, провожаемый злорадным хихиканьем.

Элеонора выслушала рассказ и велела:

– Завтра же отправляйся к этой Марине Райковой и осторожно постарайся разговорить ее.

– Можно после обеда? – попросил я.

– Почему?

– Николетту надо свозить к главному.

– Ладно, – кивнула Нора, – кстати, Миранда и Василий тут ненадолго, всего на месяц. Надеюсь, ты не против?

– Нет, конечно, чем мне может помешать двенадцатилетняя девочка? – удивился я.

Оказавшись в своей комнате, я сначала почитал Брюсова, потом выключил свет и попробовал заснуть. С одной стороны, мне хотелось есть, с другой, было лень ползти на кухню и

рыться в холодильнике. Я попробовал поуютней устроиться под одеялом, закрыл глаза и услышал легкое царапанье под кроватью.

Я, естественно, не боюсь мышей, но спать на одной площади с грызуном не слишком-то приятно, поэтому я слез с кровати и нагнулся посмотреть, кто безобразничает на полу.

Это оказалась не маленькая мышка. В дальнем углу дрожал белый кролик. Я вытащил его на свет и погладил по голове. Он прижал к голове длинные уши.

– Ну-ну, не трясись, все будет хорошо! – приободрил я его. – Никто не сделает из тебя жаркое, завтра отнесем... ну, не знаю куда, во всяком случае, не на кухню.

Кролик словно понял мои слова, потому что перестал дрожать и поднял мордочку. Его маленький розовый носик смешно шевелил ноздрями.

– Небось есть хочешь? – поинтересовался я, надевая халат. – Ладно, пошли на кухню.

Быстрым шагом я пересек коридор, кролик шествовал за мной. Возле холодильника я на секунду призадумался. Так, себе сделаю бутерброды с «Докторской» колбасой, а длинноухому дам морковку. Но несостоявшееся жаркое не проявило к каротели никакого интереса. Может, морковь следовало почистить и порезать? Кое-как, постоянно роняя неудобную скользкую морковку, я ободрал с нее шкуру и нарубил на блюдечке. Кролик понюхал и отвернулся.

– Значит, дружок, ты не голоден, – решил я и начал со-

оружать для себя бутерброды.

В процессе готовки на пол шлепнулся тоненький кружок колбасы. Я хотел было поднять его, но кролик опередил меня. В мгновение ока он проглотил его. Я изумился:

– Однако! Насколько я знаю, ты травоядное! Ну-ка, держи.

Следующий ломтик «Докторской» травоядное с аппетитом слопало. Ну надо же! Может, он еще любит коньяк и лимоны? До сих пор я не слышал, чтобы кролики увлекались мясными продуктами.

И тут на кухню, распушив хвост, вошел Василий. Я испугался. Сейчас кот налетит на безобидного кролика, и тому мало не покажется. Но произошло невероятное. Любитель колбасы встал на задние лапы и издал непонятный звук, нечто среднее между свистом и шипением. Длинные уши напряглись, белая шерсть поднялась облаком, передние лапы быстро-быстро забили в воздухе, словно кролик собрался играть на барабане. Василий замер и прижал уши к круглой крупной голове. И тут кролик прыгнул вперед. С душераздирающим мяуканьем кот бросился прочь. Я с уважением посмотрел на кролика и угостил его колбаской.

– А ты мне нравишься! Смелый мальчик! Или девочка? Может, оставить тебя тут жить? Одна беда, начнешь гадить по углам.

Кролик посмотрел на меня раскосыми темно-коричневыми глазами, потом легкими прыжками добрался до стоящего

в углу кошачьего туалета и устроился на гранулах. Я был потрясен его умом. У меня никогда не было домашних животных, Николетта не разрешала завести даже хомячка. Начав самостоятельную жизнь, я подумал было о собаке, но быстро отказался от этой идеи. С ней нужно гулять, да и не поехать никуда, и потом, я живу у Норы, ну какие тут домашние любимцы. А вот кролик...

Я пошел в спальню, длинноухий шнурком вился сзади. Я посадил его в кресло, съел сандвичи и спросил:

– Ну и как тебя зовут?

Кролик напряг уши.

– Федя? Коля? Петя?

Впрочем, кажется, кроликов так не зовут. Пришлось взять словарь имен.

– Ну, слушай, какое имя тебе по вкусу: Августин, Авдей, Булат...

Отчего-то я был уверен, что он самец. Кролик сидел тихо, слегка подергивая носом.

– Харитон...

Вновь раздался то ли свист, то ли шипение. Животное оживилось.

– Извини, – твердо сказал я, – но это имя мне не по вкусу, и потом, как звать тебя ласкательно? Харя? Нет уж, нарекаю тебя Филимоном, в просторечье Филя. Нравится?

Филя не ответил, он закрыл глаза и заснул. Я лег в кровать и тоже отбыл в царство Морфея.

Утро началось с резкого звонка.

– Ваня, – закричала Николетта, – ты где?

Очень умный вопрос, если учесть, что матушка набрала домашний телефон Норы. Лучше этого только тот, который задают люди, трезвонящие в восемь утра в выходной: «Я вас не разбудил?»

Для меня остается загадкой, что следует ответить? Сказать правду? Да, подняли в несусветную рань с постели. Или все же лучше пробубнить: «Нет, нет, все в полном порядке».

– Ваня, – настаивала Николетта, – почему ты молчишь?

– Извини, еще не встал с постели.

– Так я звоню тебе сказать, что просыпаться не надо.

Я сел. Вот еще одна гениальная фраза! Бужу тебя, дорогой сыночек, в семь утра с сообщением о том, что можешь продолжать мирно поживать! Больной, немедленно проснитесь, вы забыли принять снотворное.

– Не понимаю, что случилось?

– Врач ждет меня не в десять утра, а в четыре часа дня!

– Николетта, – рявкнул я, – сейчас рано, зачем ты меня разбудила? Можно было в восемь сообщить эту новость. И потом, откуда ты сама узнала? Только не говори мне, что медсестра из регистратуры соединилась с тобой в такое время!

– Нет, конечно! Мне сказали еще вчера, а я забыла тебя предупредить, зато сегодня позаботилась. А насчет раннего

времени не волнуйся, у меня сегодня с семи до девяти сеанс массажа, все равно нужно было вставать, значит, жду тебя в три, – на одном дыхании выпалила маменька и швырнула трубку.

Я натянул халат. Видали? Я вовсе не волновался из-за того, что матушка проснулась до восхода солнца, мне самому не хотелось пробуждаться с петухами. Но делать нечего, пойду глотну кофе, авось в голове просветлеет.

На кухне, возле кипящего электрочайника, обнаружилась Миранда. Я посмотрел, как девочка, вновь одетая в грязные джинсы и потертую куртку, открывает белую коробку, и приветливо спросил:

– Ты любишь лапшу?

– Ненавижу, – последовал короткий ответ.

– Зачем тогда готовишь?

– Так жрать хочется, – пояснила девочка, шмыгнув носом, – я ее вечно на завтрак хаваю, мать забывает купить продукты, вот и беру в ларьке.

– Где же ты обедаешь?

– Около школы, в «Ростиксе».

– А ужинаешь?

– Когда Настька в Москве, – меланхолично помешивая длинную белую вермишель, пояснила девочка, – вечером хожу с ней, она по клубам поет, а если на гастроли уматывает, опять лапшу жру. У меня на эти макароны скоро почесуха начнется.

– Твоя мама совсем не готовит?

– Не-а, ей некогда.

– Она же хорошо зарабатывает, отчего домработницу не наймет?

Миранда принялась наматывать лапшу на вилку.

– А у нее ни одна прислуга больше месяца не держится.

– Почему?

– Какой ты, однако, любопытный, – покачала головой Миранда, – в частности, из-за Василия, он обожает в туфли ссать, такой вонизм потом стоит. Ну почему у меня постоянный насморк? Наверное, аллергия на «быструю» лапшу.

Сделав этот вывод, она принялась заглатывать нелюбимое кушанье. Я посмотрел на ее маленький носик, украшенный серьгой, торчащей в правой ноздре, и ничего не сказал.

Глава 6

Перед тем как уйти, я по привычке окинул взглядом свою комнату и увидел Филимона. Секунду поколебавшись, подхватил кролика и сказал:

– Вот что, Филя, сегодня поездишь со мной в машине. Конечно, я предупрежу всех, что отныне ты не кандидат в кастрюлю, а мой друг, но первые дни нужно соблюдать осторожность.

Кролик, естественно, мне не ответил. Мои пальцы ощутили, как под мягкой шубкой размеренно и абсолютно спокойно бьется его сердечко. Похоже, животное совершенно меня не боялось.

Я вышел в прихожую и наткнулся на Ленку и Миранду. Девочка аккуратно завязывала кроссовки – на мой взгляд, не слишком подходящую обувь для февраля. Домработница радостно закричала:

– Поймали, Иван Павлович? Давайте сюда, будет всем на ужин рагу с морковкой.

Я покачал головой:

– Нет, Лена, это мой приятель, познакомься – Филимон, впрочем, он не обидится, если станешь звать его Филей!

Ленка попяtilась:

– Чего?

– Ничего, – вздохнул я, – кролик теперь мой, ясно? На

рагу купи свинину.

Пока домработница пыталась уяснить смысл услышанной фразы, я нагнулся, взял один ботинок и чуть не задохнулся.

Миранда подняла голову:

– Жутко воняет, да? Это Василий. Видно, ты ему насолил чем-то.

– Он всегда мстит таким образом? – со вздохом спросил я, разглядывая испорченную обувь. Ботинки было жаль, я купил их совсем недавно в хорошем магазине за немалые деньги.

Миранда встала и потянулась за тоненькой дубленочкой.

– Ага, если кто не понравится, кранты! А не нравятся ему все, кроме Настьки.

– Это кто такая? – Я из вежливости поддержал разговор, вынимая коробку с осенней обувью.

– Настька? – изумилась Миранда. – Ты ее не знаешь разве? В дуэте «Шоколадка» поет, муттер она мне.

Я решил перевести разговор на другую тему:

– А ты куда?

– Так в школу.

– Далеко?

Миранда осторожно потрогала серьгу в носу.

– В Южное Бутово.

Я изумился:

– На другом конце Москвы?! Сколько же туда ехать?

Девочка пожала плечами:

– Отсюда часа два, пожалуй.

– Но почему ты так далеко учишься? Разве Настя обитает в Бутове?

– Не-а, в Тушине, – пояснила Миранда, – вернее, там живу я, а Настька лишь ночует, она все по концертам мотается, бабки рубит.

– Ступай вниз, – велел я, – отвезу тебя до места.

– На фига? Сама доберусь.

Я надел пальто.

– Девочки твоего возраста не должны спорить со взрослыми.

Миранда разинула ярко покрашенный ротик:

– Ну ты сказал! Чего же мне теперь, всегда молчать? Нашел дуру! Это в твое время дети взрослых боялись, а мы теперь свободные!

По-моему, свобода и хамство разные понятия, но я ничего не сказал, а просто вышел из квартиры.

Филимона мы устроили на полочке у ветрового стекла. Кролик мгновенно уснул, словно всю жизнь раскатывал в «Жигулях». Миранда влезла на переднее сиденье и заявила:

– Отстойная машина.

– На другую не заработал. Какая же, по-твоему, хорошая?

– Ну... «мерс» глазастый или «бээмвуха», – поделилась своим мнением девочка, – еще эта, как ее... «Феррари».

– Дорогая моя, «Феррари» одна из самых дорогих марок, ты когда-нибудь ее видела?

– Так я целый месяц в ней ездила, – спокойно пояснила Миранда, бесцеремонно включая магнитолау, – у Ленки была красная, народ на дороге из тачек прям вываливался, когда мы катили!

– У какого Ленки?

– У Настиного любовника, Ленки Мазона, слышал про такого?

– Нет.

– Он в группе поет, называется «Кофе Интернэшнл».

– И у него «Феррари»?!

– Ага, он меня в школу возил, а потом Настюха его пинком выгнала. Ты слушаешь «Русское радио»?

– Иногда.

– Отстой!

– Я думаю иначе.

– Всем ясно, что отстой!

– Послушай, а во сколько в твоей школе начинаются занятия?

– В девять, – спокойно сообщила Миранда, перенастраивая магнитолау.

– А сейчас восемь двадцать. Как же ты собиралась успеть?

– У нас первые два урока ОБЖ.

– Это что за предмет?

Миранда захихикала:

– Охрана беременных женщин.

– Что?

– Шучу, учим хренотень всякую, ну отстой! А преподает урод! Сережка, вечно пьяный. Он с утра никакой, бормочет, воду глотает, морда красная, глазки – щелочки. Да оно и понятно, жена от Сережки сбежала, все из дому уперла, он голый остался, вот и квасит по полной. На его уроки и ходить не надо. Вот, слушай, какой класс!

Из динамика понесся высокий бесполоый голос, звонким речитативом выкрикивающий: «Вокруг одни враги, торчат вокруг свиные рожи, на кого они похожи, это же они, твои враги. Бей, не жалея, а-а-а, бей, не хреней...»

– Суперски, – с восторгом повторила Миранда и вытянула ноги.

Я невольно бросил взгляд на ее джинсы и не удержался от замечания:

– Твои брючки слегка грязноваты. Надо бы постирать, а то в школе замечание сделают.

Миранда распахнула огромные карие глаза, секунду молча смотрела на меня, потом расхохоталась:

– Ваня, в нашей школе всем насрать на одежду. Между прочим, штаны новые, мне их Настька в день своего отъезда купила.

– Когда же ты их так испачкать успела?

– Ничегошеньки ты не понимаешь! Это мода такая.

– На грязь?

– Ну да, их специально мажут и рвут, еще до продажи.

Оставшийся путь до школы мы проделали молча, под ак-

компанемент несущейся из магнитолы какофонии.

Я высадил Миранду. Тоненькая фигурка побрела через заваленный снегом двор. Девочка выглядела комично. Яркие-белые кроссовки, грязные, слегка порванные штаны, дубленочка, сшитая из разноцветных кусочков, и красная лаковая дамская сумочка на длинном ремне.

Вздыхнув, я поехал к Райковой. Честно говоря, давно не имел дела с подростками. Они теперь совсем другие, чем были мы в их возрасте. Во всяком случае, мне в двенадцать лет, окажись я в чужой машине, и в голову бы не пришло перенастраивать радио и обращаться к взрослому мужчине – «Ваня», без отчества.

Марину Райкову я встретил около входа в квартиру. Женщина, чертыхаясь, вертела ключом в замке.

– Не работает? – решил я начать знакомство.

Райкова отбросила со лба белокурую прядку.

– Ума не приложу, что случилось! Вчера нормально поворачивался, а сегодня даже в скважину не влезает.

– Разрешите посмотреть?

– Пожалуйста, – ответила Марина и протянула мне связку.

Я нагнулся и осмотрел отверстие.

– Вы, очевидно, просто взяли не те ключи, они не от этого замка.

– Вот черт, – подскочила Марина, – ну спасибо вам, опять перепутала.

С этими словами Райкова исчезла в квартире, я подождал,

пока она появится снова, запрет дверь, и сказал:

– У вас много разных ключей?

Райкова шагнула в кабину лифта.

– Подруга свои оставила, надо бы выбросить, да все забываю.

– Зачем же выкидывать ключи, которые принадлежат друзьям?

– Давно уж раздружились, – вздохнула Марина.

– Это вы об Алене Шергиной говорите?

Моя спутница сделала шаг назад и прижалась спиной к стенке лифта.

– Вы знаете Алену?

– Знал.

– Почему говорите в прошедшем времени?

– Она умерла, утонула в реке.

– Не может быть, – твердо заявила Марина, – вы что-то путаете.

– Нет, Алена погибла.

– Я с ней разговаривала на Рождество, она была живехонька-здоровехонька.

– Ну и что? Шергина утонула позавчера ночью.

– Где? В феврале? В речке? Кто вы такой? Что вам надо? – на едином дыхании выпалила Райкова.

Я вытащил удостоверение детектива и дал Марине. Та растерянно изучила документ.

– Если не возражаете, – сказал я, – могу довезти вас до

службы.

Марина молча кивнула. Мы сели в машину, девушка вытащила сигареты.

– Как она погибла?

Я рассказал про машину, обрыв и речку.

– Ужас! – прошептала Райкова, нервно теребя сигарету. – Значит, тело не нашли, что же хоронить станут?

– Наверное, церемонии не будет, пока ее не обнаружат.

– Господи, как страшно! Почему делом занимаетесь вы, а не милиция?

Я вновь пустился в объяснения, когда дело дошло до включенной газовой плиты, Марина подскочила:

– Думаете, я ее того... Да?

– Что вы, что вы, – лицемерно заявил я, – мне и в голову такое бы не пришло. Просто Алена сказала, что запасные ключи от ее квартиры находятся у госпожи Райковой. Кстати, похоже на правду, сейчас вы ими пытались безуспешно закрыть дверь.

– Я не имею к этой истории никакого отношения. Мы были подругами.

– Были, а потом поссорились.

– Действительно, но по моей вине. Все наоборот, это Алена должна меня ненавидеть.

– Она не отбивала у вас мужа?

Райкова скорчила гримасу:

– Это вроде как я у нее жениха увела. Вы знаете эту ис-

торию?

– Нет, – соврал я, – вас не затруднит рассказать?

Марина уставилась в окно.

– Не слишком-то красиво вышло, но меня господь наказал. Аленка поехала отдыхать и на курорте познакомилась с Костей Рябовым.

Парень был просто ожившей девичьей мечтой. Относительно молод, чуть за тридцать, хорош собой, богат. Машина, квартира, загородный дом и стабильная заработная плата. Кроме того, Костя обладал веселым характером и хотел жениться, но все не мог встретить ту самую, единственную и неповторимую.

Вначале он решил, что его судьба жить с Аленой, и даже торжественно подарил той колечко с бриллиантом. Но потом Шергина, на свою беду, познакомила будущего супруга с Мариной.

– Он влюбился в меня сразу, увидел и умер. Потом объяснил, что я фотографически похожа на его маму в молодости. – Райкова замолчала, глядя на хоровод снежинок за окном.

Костя поступил честно. Прежде чем начинать осаду Марины, он приехал к Алене и сказал:

– Извини, дорогая, я полюбил другую.

Сначала Шергина неожиданно спокойно отреагировала на его заявление, сняла с пальца кольцо, отдала несостоявшемуся мужу со словами:

– Забирай, оно мне не нужно.

Обозлилась Алена, когда узнала, что счастливой соперницей оказалась ее лучшая подруга Марина. Она сначала позвонила Райковой и закатила истерику. Но, очевидно, ей этого было мало – Алена явилась к Марине на службу и устроила там безобразный скандал! Шергина переколотила в кабинете все, что билось, сдернула с окон занавески и была остановлена лишь ворвавшимися охранниками. Сначала служба безопасности хотела сдать хулиганку в милицию, но Марина упростила секьюрити отпустить Алену. Шергина плюнула бывшей подруге в лицо и убежала.

Райкова, придя домой, рассказала о малоприятном происшествии Косте. Тот возмутился, позвонил Алене, и они поругались не на жизнь, а на смерть. Если до этого разговора возобновление отношений между подругами теоретически было возможным, то теперь стало понятно: Алена и Марина уже никогда не помирятся.

– Мне было очень не по себе, – тихо говорила Марина, – прямо до слез, ведь мы долго дружили. И потом, получилось, что я отобрала у близкого человека счастье. Знаете, мне хотелось искупить свою вину. У Кости в банке есть его заместитель Володя, я думала позвать Алену своей свидетельницей, а Володю пригласить со стороны Кости. У них могли бы сложиться любовные отношения. Володя богат, не женат... Словом, почти как Костя. Ну кто виноват, что так получилось? Я ведь не отбивала его специально.

Но Алена была твердо уверена в обратном. Дня не проходило, чтобы она не звонила бывшей подруге и не говорила гадости. Потом, спустя месяц, утихла и больше не объявлялась. Марина стала готовиться к свадьбе. Был назначен день, сшито платье, заказан ресторан...

Утром, за два часа до бракосочетания, почтальон принес Константину пакет.

Тот разорвал плотную коричневую бумагу, на пол упали фотографии. На них была запечатлена обнаженная Марина в обнимку с одним из своих прежних любовников.

– Вот так сюрпри-из, – протянул Костя, внимательно разглядывая «подарок», – мало приятного узнать о таком в день свадьбы.

Марина покраснела и возразила:

– Я же не скрывала от тебя своих прежних увлечений. Кстати, на этих снимках парень, с которым я перестала встречаться лет пять тому назад.

– Да, – жених вскинул брови, – а дата?

Райкова взгляделась в маленькие белые цифры, помещенные в углу глянцевого снимка, и ахнула. Получалось, что кадр был отщелкнут вчера.

– Ты решила попрощаться с прежней любовью? – сухо поинтересовался Костя. – Устроила своеобразный девичник?

– Я ни с кем не встречалась, – растерянно ответила невеста, – честное слово!

– А число? – повторил Костя.

– Не понимаю, как так получилось...

– Ладно, тогда объясни этот факт, – попросил Костя и ткнул пальцем в другой угол снимка. Райкова посмотрела и лишилась дара речи. Честно говоря, фото было более чем фривольное, камера запечатлела в основном постель, но в кадр попала и тумбочка, на которой лежала газета «Мегаполис» за... вчерашнее число.

– Каким образом это издание, вышедшее вчера, попало на снимок, сделанный, как ты уверяешь, пять лет тому назад? – тихо спросил Костя и вышел в прихожую.

Когда Марина выскочила за ним, жениха и след простыл. Больше она никогда не встречалась с тем, кто без пяти минут был ее мужем.

– Кто же прислал фото? – спросил я.

Марина пожала плечами:

– Понятия не имею.

– Может, это сделала Алена?

Райкова махнула рукой:

– Это невозможно. Алена порядочный человек, да, она съехала с катушек, поняв, что Костя ушел ко мне. Устроила истерику, скандал, даже драку, потом трезвонила, говорила гадости вроде: «Ты, Маришка, дрянь, желаю тебе от души несчастливой жизни». Но проделывала все открыто, в лицо... Не в Аленином характере пакостить исподтишка. Она может взорваться, наорать, обидеть, правда, подобное с ней происходит редко, но присылать анонимки... Нет!

Я только вздохнул. Иногда женщины оказываются способны на неожиданные поступки.

– И потом, – продолжила Марина, – мы же с ней поссорились и не общались, а газета-то была вчерашняя. До сих пор понять не могу, как такое возможно и кто сделал снимок? Я не отрицаю связь с тем парнем, но она давно прервалась. В общем, Костя ушел, с подружкой мы рассорились, и все.

– Что же вы ей ключи не отдали?

Марина развела руками:

– Встречаться не хотелось, а просто выбросить в помойку совесть не позволяла. Вот повесила их у входа, да иногда путаю, вместо своих хватаю. Кто же это Алену убить хотел?

– Я думал, вы.

– Вы с ума сошли! – подскочила Марина. – Зачем бы мне это?

– Похоже, незачем, – пробормотал я, – но вот сама Алена утверждала, что вы покушались на ее жизнь.

– Бред! – решительно ответила Марина.

– А вот кое-кто говорит, будто вы застали Шергину с Костей в одной постели и решили отомстить, – не успокаивался я, – вроде она подождала, пока вы распишетесь, а потом уложила вашего мужа в свою постель. Вы пришли к ней, открыли дверь теми самыми ключами...

– Идиотство, – вконец обозлилась Марина, – во-первых, мы не успели с Костей пожениться, инцидент с фотографией произошел до свадьбы. Во-вторых, я никогда не заставляла их

вместе, ну кто придумал подобную глупость?

Я хотел было сказать, что информация исходила от самой Алены, но прикусил язык и пробормотал:

– Да так, просто слышал.

– Выкиньте эту чушь из головы, – резко ответила Марина, – люди невесть что наболтать могут. Да, мы поругались с Аленой, но виноват был лишь Костя, ни Аленкиной, ни моей вины тут нет. Парень такой попался, сначала ей голову дурил, потом меня из-за глупости бросил, даже разобраться не захотел. Кстати, если хотите знать, я на Рождество позвонила Алене и сказала: «Ты, конечно, сейчас швырнешь трубку, но я хочу пожелать тебе счастья и удачи».

– А она?

– Выслушала спокойно и ответила: «Ладно, и тебя с праздником, потом поговорим, извини, опаздываю на работу». Так что наши отношения могли наладиться, я очень рассчитывала на первое марта. Глупо ведь из-за мужика терять хорошую подругу.

– Ну, очевидно, Алена была иного мнения, раз сказала, что торопится на работу! Это в Рождество-то!

– Так она же в турфирме пашет, у них, когда на календаре красное число, просто аврал.

– А что должно было произойти первого марта?

– День рождения у Алены, – пояснила Марина, – я уж и подарок приготовила. Думала, приду, протяну коробку с букетом и попрошу: «Давай все забудем!» И опять бы сдружи-

лись! Но нет, не получилось, бедная моя подружка! Какая страшная смерть – зимой, в реке, подо льдом.

И Марина горько заплакала. Я молча повернул направо и чуть не вылетел на тротуар. Московские дороги в феврале напоминают каток, представляю, какова была обстановка на шоссе, когда Илья не сумел справиться с управлением.

– Так и не помирились, – всхлипнула Марина. – Ну почему я не позвонила ей раньше, чего ждала? Теперь ничего уже не исправить.

Я осторожно отпустил сцепление. Самое ужасное – это муки совести возле гроба. После смерти отца я пару лет ощущал давящую безнадежность оттого, что никогда не смогу уже попросить у него прощения за все нанесенные мной обиды. Память подло подсовывала неприятные воспоминания. Вот отец предлагает поехать вместе с ним в Карловы Вары, но я, студент второго курса, прихожу в ужас от перспективы прогулок вокруг источника в толпе пожилых людей и мигом записываюсь в строительный отряд, которому предстояло возводить коровник в колхозе. Сейчас бы я, естественно, отправился на воды, но в те годы очень хотел провести лето в своей стае, и папа отбыл один. А еще он один раз по случайности заглянул в ГУМ, продавщицы мигом узнали любимого народом писателя и, затащив в подсобку, предложили купить ботинки. Для тех, кто забыл, напоминаю: в советское время обувь считалась самым дефицитным товаром. И отец приобрел обувь, только не себе, а мне. Как сейчас помню

их внешний вид: высокие, до щиколоток ботинки на толстой подметке. Завязывались они шнурками.

– Отличная вещь, – радовался отец, – померяй, Ваня, качественная кожа, сносу не будет.

Весь институт, вернее, его мужская часть, ходила той весной в узконосых полуботинках, практически без подметки. Шнурки считались анахронизмом. Ступню просто всовывали внутрь, оттянув «язык». Приобретенные ничего не понимающим в моде отцом «скороходы» выглядели не то что вчерашним, а позавчерашним днем. Я, правда, один раз влез в них, но ехидные приятели мигом начали изощряться в остроумии по поводу ботинок. В основном прозвища были непечатными, но особенно обидела меня отчего-то фраза, брошенная Ритой Маликовой, спесивой девицей-поэтессой:

– Ну, Ваня, и зачем же ты чемоданы на ноги нацепил?

Придя домой, я засунул ботинки в шкаф с твердым намерением никогда больше не надевать их. Но папа регулярно предлагал:

– Ваня, надень ботинки.

И приходилось, скрежеща зубами, завязывать шнурки. В конце концов мне это надоело, и я, взяв ножницы для резки металла, отодрал подошву у одного ботинка. Отец был так расстроен, что я тут же пожалел о содеянном.

Павел Подушкин умер давно, и, наверное, в его жизни случались и более серьезные разочарования, чем оторванная подметка, но мне стыдно до сих пор. А главное, нельзя ки-

нуться ему на шею и воскликнуть:

– Ну прости, пап, я дурак! Отличные были ботинки!

Вот и Марина Райкова сейчас плачет. Мне жаль ее, но помочь ей не могу.

Глава 7

Я высадил Марину у двери, на которой висела табличка «Торговое объединение „Моторс“». Она последний раз всхлипнула, вытащила косметичку и быстро произвела текущий ремонт лица. На мой взгляд, ее личико после нанесения слоя штукатурки стало выглядеть намного хуже, излишек косметики старит, но у дам иное мнение по этому поводу.

Не знаю почему, но у меня сложилось впечатление, что Марина чего-то недоговаривает. С ней нужно встретиться еще разок. Пусть она успокоится, посидит на службе, а я вечером заеду за ней. Может, отвезу в ресторан... Многие дамы становятся очень болтливы, выпив рюмку-другую...

Отъехав немного в сторону, я позвонил Норе, получил «добро» на посещение кабака и разрешение ехать за Николеттой.

Точно в указанный срок я притормозил у подъезда дома, в котором находилась родительская квартира. Маменька, задержавшись на пятнадцать минут, шлепнулась на сиденье и недовольным голосом заявила:

– Вава, мы опаздываем.

Я промолчал. Абсолютно бесполезно говорить, что это она задержалась, а я приехал вовремя.

Николетта всегда считает себя правой. Однажды она, как

всегда, прособиравшись, опоздала на поезд. В полном негодовании маменька влетела к начальнику вокзала и закатила скандал. Тот решил вразумить пассажирку:

– Но поезд ушел по расписанию!

– Ерунда, – рывкнула Николетта, – двадцать минут роли не играют, он обязан был подождать *меня*. Какая безответственность! Укатить и оставить пассажирку на перроне. Вы за это ответите!

– Вы сами опоздали, – попытался отбиться начальник.

– Я? – возмутилась Николетта. – И что? Или, по вашему мнению, я должна была выйти из дома лохматой?!

– Но составы ходят по расписанию, – путеец все еще не понимал, с кем имеет дело.

Николетта ткнула в него пальчиком, украшенным антикварным кольцом с изумрудом:

– Да? Теперь извольте вернуть его назад и посадить меня.

Начальник вокзала разинул рот, ничего подобного ему до сих пор не приходилось слышать.

По салону машины поплыл тяжелый запах дорогих духов. Николетта обожает душные, терпкие ароматы. Когда фирма «Ив Сен Лоран» выбросила на рынок «Опиум», это было стопроцентное попадание в маменьку. У меня мигом начинает кружиться голова от обволакивающе сладкой вони. К тому же Николетта, проявляющая похвальную умеренность в употреблении косметики, при виде пузырька с туалетной водой теряет тормоза и одним махом опрокидывает на себя

половину емкости. Не знаю, как у остальных людей, а у меня в носу тут же начинает свербеть, потом я принимаюсь безостановочно чихать, после чего раскалывается от боли голова.

– Ну, Вава, поторопись, – тараторила Nicolette, – к этому Розенкранцу запись за полгода. Спасибо, Кока мне протекцию составила. Эй, эй, куда? Почему ты тут не повернул?

– Там запрещающий знак, – ответил я и открыл пошире окошко.

В салон ворвался февральский, сырой, наполненный снегом воздух. Но, поверьте, амбре бензиновых паров лучше, чем запах «Опиума».

– Ну и что? – ринулась в атаку настроенная по-боевому маменька. – Экая невидаль, знак! Надо было там свернуть, теперь придется делать круг. Ты забыл, что нам в шестнадцать ноль-ноль следует сидеть в кабинете?

– Успеем.

– Немедленно закрой окно, мне прическу растреплет.

Я чуть поднял стекло.

– Совсем, – велела матушка.

Пришлось подчиниться и всю дорогу слушать указания. «Красный свет, не забудь остановиться. Поверни тут. Не смей тормозить. Выбрось сигарету. Выключи радио. Закрой пепельницу. Не трясись на кочках. Смотри прямо. Держи руль. Немедленно причешись. Почему не надел костюм? Боже, какой отвратительный милиционер! А-а-а, нас сейчас заденут!

Скорей, скорей, влево, мы приехали. Опять остановил прямо в луже!»

Я вышел из машины и помог выбраться матушке.

– Вот у Коки есть водитель, – нервно вскрикнула Nicolette, шагая к подъезду, – большой профессионал, его услуги стоят сущую ерунду, всего пятьсот долларов в месяц. Наверное, мне тоже придется нанять человека, который умеет хорошо управляться с автомобилем.

Я потянул на себя тяжелую дверь.

– Боюсь, нам такой расход не по карману.

Маменька окинула меня возмущенным взглядом:

– Вот от своего мужа я никогда не слышала подобной фразы.

И это правда. Отец был намного обеспеченнее, чем я.

– Ужасно ощущать себя нищей, – заявила Nicolette, – значит, придется каждый раз безумно нервничать, выезжая из дома с таким неумехой, как ты.

Затем, запахнув норковую шубку, она исчезла внутри здания.

Профессор Розенкранц оказался крохотным существом, ростом и весом чуть больше кролика Филимона. Похоже, что самой крупной частью его тела был нос, на котором сидели огромные нелепые очки в допотопной черной роговой оправе.

Nicolette устроилась в кресле возле его стола и закинула ногу на ногу. Покачивая правой, обутой в белый узконосый

сапог из лайковой кожи, она принялась излагать свои проблемы:

– Иногда я не могу разобрать, что написано в газете.

– Голубушка, – густым басом прогудел Розенкранц, – может, вам это и не надо?

– А в магазине великолепно вижу товар, разложенный вдали, но перед носом все сливается.

– Очевидно, это старческая дальность, – мигом поставил диагноз окулист.

– Какая? – взвилась Николетта. – Старческая? Вы что? Сказать такое женщине моих лет!

Розенкранц без тени улыбки ответил:

– Так ведь вам не тридцать.

– Но и не пятьдесят, – отбила маменька.

Я постарался сдержать усмешку. Даже в кабинете у врача Николетта ни за что не откроет свой возраст. Впрочем, она только что сказала правду, ей и на самом деле не пятьдесят лет, а намного больше. Но, похоже, этот Розенкранц сам подслеповат.

Началась длительная процедура осмотра, прерываемая вскриками матушки: «Ой, какая смешная картинка!» или «Доктор, осторожней, у меня тушь стечет».

Примерно через час окулист вытащил бланки и заявил:

– Для вашего возраста зрительный аппарат сохранился великолепно. Никаких признаков глаукомы. Легкую дальность спокойно устраним при помощи очков.

– Никогда, – отрезала Николетта, – ни за что не надену жуткие окуляры.

– Голу-убушка, – протянул профессор, – очки – единственный способ скорректировать зрение. Операцию делать не советую.

– Я уже один раз воспользовалась лазером, – кивнула маменька, – а толку чуть!

– Вот видите! – воодушевился врач. – Значит, выписываю очки.

– Я вовсе не желаю походить на сову Бумбу, – обозлилась матушка, – вот у Коки такие штуки, их всовывают прямо в глаза. Между прочим, при их помощи можно цвет поменять. Кока в тон платью теперь глаза носит. Я тоже такие хочу!

Я откинулся на спинку кресла – так, понятно теперь, почему матушку повлекло к окулисту.

– Вы говорите о линзах, – недовольно заявил Розенкранц, – на мой взгляд, очки лучше.

– Хочу линзы! Разноцветные! – по-детски надула губы Николетта.

Розенкранц пожал плечами, накорябал что-то на листочке и вручил его нам со словами:

– Ступайте в двадцать третий кабинет, там подберут.

Я отдал профессору гонорар и переместился в следующую комнату, где веселая толстуха принялась демонстрировать образцы. Не стану утомлять вас описанием процесса выбора. В конце концов Николетта приобрела «глаза» всех возмож-

ных цветов: карие, зеленые, синие, фиалковые, ореховые... Голубые, слава богу, у нее есть свои. Самыми последними были вынуты... красные линзы.

– Вот это ловко! – взвизгнула Nicolette и повернулась ко мне.

Я вздрогнул. Маменька походила на родную сестру графа Дракулы. Очи цвета пожарной машины превратили ее лицо в страшную маску.

– Это еще не весь прикол, – засмеялась медсестра и направила на Nicolette настольную лампу.

В ту же секунду свет отразился от красных глаз и двумя лучами заметался по полу.

– Здорово, да? – радовалась глупенькая девушка.

– Слов нет, – покачал я головой, – зачем только такие производят? Людей пугать?

– Для похода на дискотеки, – пояснила дурочка, – ну офигительно смотрится.

Потом она повернулась к Nicolette и опрометчиво заявила:

– Только вам они ни к чему, их для молодежи делают.

– Всенепременно возьму, – мигом отреагировала Nicolette, – надену к Коке на суаре, все с ума сойдут, правда, Ваня?

Я кивнул. Пусть покупает что хочет, лишь бы поскорей завершить процесс. Но Nicolette провела в кабинете еще целый час. Требовалось подобрать для каждой из пар линз

футлярчики соответствующего цвета, потом сумочку, куда положить футляры, затем чемоданчик для сумочки. А еще жидкость для протирки, емкость, в которую следует ее наливать, специальные салфетки... И все это не в единичном экземпляре.

Короче говоря, когда мы вновь очутились в машине, на улице была темень. Николетта, уютно устроившись на заднем сиденье, принялась разглядывать линзы, я включил погромче радио и поехал вперед.

– Убери музыку, – потребовала маменька.

Я послушно покрутил магнитола, и из динамика понеслось:

– Этой ночью на кладбище стояла напряженная тишина. Могила только что похороненного Эдварда утопала в цветах. Ровно в полночь земля зашевелилась.

– Оставь! – взвизгнула Николетта. – Это «Литературная гостиная», они читают жутко забавную книжку про вампиров.

Хорошо, пусть будут вампиры, привидения, нетопыри, кто угодно, лишь бы маменька молчала.

В относительном спокойствии я проехал большую половину пути. Радио выло и ухало на разные голоса, выдавая непотребный текст.

– Глаза Эдварда, красные, жуткие, послали пучок света прямо на Генриетту. С пальцев покойника капала кровь...

– Налево, – вдруг скомандовала Николетта.

Я, одурманенный спектаклем, машинально повиновался.

Тут же раздался свист. Вот незадача! На перекрестке же висит знак: перечеркнутая стрелка.

– Почему нарушаем? – поинтересовался сержант и осветил на меня фонариком.

Я совершенно честно ответил:

– Извините, тут по радио жуткую книгу читают, заслушался и не заметил, что поворот запрещен.

– Про вампиров, что ли? – засмеялся милиционер. – Вот глупость-то! Сказки это, вы же серьезный, солидный человек, а в ерунду верите. Не бывает их на свете, оживших покойников, коли умер, все! Кранты! Попрошу права и документы на машину.

Я молча протянул требуемое. Парень изучил документы и вполне мирно спросил:

– Ну? Дальше что?

Я полез за кошельком, сейчас отсчитаю полтинник, и можно продолжать путь. Пока я рылся в портмоне, отыскивая нужную ассигнацию, сержант осветил фонариком на заднее сиденье.

– Добрый вечер, – мило сказала Николеетта.

– А... а... о... – промычал парень.

Я удивился, отчего это сотрудник ГИБДД начал издавать малопонятные звуки, и посмотрел на него. Тому явно было плохо. Лицо его, только что по-детски розовощекое, круглое и слегка наивное, стало бледным, вытянутым и испуганным.

– Вам нехорошо? – испугался я.

– А... о... а... она... – заикался постовой, тыча рукой в глубь машины.

Я обернулся. Николетта улыбалась на заднем сиденье. Ее темно-красные глаза отражали свет фонарика. Две длинные нити, словно лучи лазера, пронзали тьму. Маменька выглядела просто жутко. Если бы я не знал, в чем дело, мигом бы выскочил из «Жигулей» и унесся куда глаза глядят!

– Э-т-т-та... – заикался несчастный постовой, – чтой-то у ней с глазами?

Неожиданно на меня напало детское веселье. Стараясь не расхохотаться, я с самым серьезным видом заявил:

– У кого? У женщины на заднем сиденье?

Сержант осторожно кивнул.

– Не волнуйтесь, она не заразная, – хмыкнул я, – в прошлом году шла вечером через кладбище, а на нее что-то налетело и укусило. Все, с тех пор глаза покраснели, дневного света боится, при виде чеснока стонет и питается лишь сырой печенкой. Но это очень хорошо!

– Па-а-чему? – слегка попятился совсем обалдевший парень.

– Так ведь всех своих врагов перекусила, и они теперь в жутких чудовищ превратились. Сделайте милость, возьмите штраф и отпустите нас, очень торопимся, скоро семь, а мне надо, чтобы она точно в это время вошла в кабинет к моему хозяину, уже и так надоел мне с придирами.

Постовой бросил в окошко документы и, выкрикнув: «Езжайте!» – опрометью кинулся к бело-синему «Форду», припаркованному возле ларька.

– Эй, погодите, – высунулся я из дверцы, – а полтинник? Деньги забыли!

– Не надо ничего, – проорал парень, влезая в автомобиль, – укатывай отсюда поскорей, давай налево!

– Там запрещающий знак!

– Плевать на него, верти рулем, живо на проспекте окажешься! – выкрикнул постовой и мгновенно забаррикадировался в машине.

Когда мы поравнялись с его «Фордом», Николетта высунулась в окошко и, сделав сердитое лицо, громко сказала:

– Р-р-р... О, жажду крови!

Несчастный мент шарахнулся в сторону и по-детски закрыл голову руками.

Я расхохотался и повернул под запрещающий знак. Николетта может своей болтливостью довести до обморока, она эгоистичная транжирка, старающаяся выглядеть как молоденькая девушка. Но весь фокус в том, что внутри, хм, не будем говорить возраст, более чем взрослой дамы сидит четырнадцатилетний подросток, толкающий Николетту порой на неадекватные поступки. Вот и сейчас надела красные линзы и страшно довольна тем, что довела сотрудника ГИБДД до потери пульса. Впрочем, я и сам хорош, ну зачем наплел парню черт-те что? Решил сэкономить пятьдесят рублей? Но

ведь я не думал, что мальчик воспримет розыгрыш всерьез. И потом, потратив состояние на разноцветные линзы, не стоит жалеть пяти несчастных десятков.

Глава 8

Поиздевавшись над сержантом, маменька пришла в такое великолепное настроение, что, оказавшись возле своего подъезда, мигом, без лишних разговоров, выскочила из машины – она явно задумала сначала испугать лифтершу, а потом и свою домработницу.

Я покатил вновь к фирме «Моторс», припарковал на стоянке «Жигули», вошел в здание и, налетев на охранника, вежливо спросил:

– Подскажите, пожалуйста, в каком кабинете сидит Марина Райкова?

Секьюрити тут же ответил:

– Марина Сергеевна ушла.

Я расстроился:

– Давно? Не знаете, к какому метро она ходит?

Одетый в черную форму мужчина улыбнулся:

– Вы ее не догоните.

– Почему?

– Райкова утром убежала.

– Да? Во сколько?

Охранник пожевал губами:

– Ну, точно не скажу. Примерно около одиннадцати, выскочила опрометью, пальто не застегнула, без шапки, лицо красное. Может, утюг дома оставила или чайник на плите?

Моя один раз кашу забыла, чуть не сгорели из-за ее дурости.

Он продолжал бубнить, но я, наплевав на вежливость, ушел. Что могло случиться с Райковой? Да все, что угодно, может, и впрямь вспомнила про включенный газ? Ладно, придется ехать к Марине домой.

Очувившись возле знакомого дома, я поднялся наверх, ткнул пальцем в звонок, дверь мигом распахнулась. На пороге возник довольно молодой хмурый мужчина, одетый в джинсы и вытянутый пуловер.

– Вам что? – сердито осведомился он.

– Простите, Марина дома? – улыбнулся я, недоумевая в душе.

Из утреннего разговора с Райковой я сделал вывод, что она живет одна, и вот, выходит, ошибся.

– Заходите, – буркнул парень, – да не снимайте ботинок, налево в комнату.

Я послушно шагнул туда и увидел еще двух мужчин. Одного маленького, толстого, в жеваном пиджаке самого дурного качества, и другого, облаченного в слишком светлые для февральского вечера брюки и шерстяную рубашку.

Толстяк оторвался от листа бумаги, на котором что-то писал, и отрывисто осведомился:

– Вы кто?

– Иван Павлович Подушкин, – недоуменно ответил я.

– Что вам надо?

– Можно увидеть Марину Сергеевну?

– Нет! – рывкнул толстяк и снова забежал ручкой по бумаге.

Я растерялся. В квартире Райковой происходило нечто непонятное. Парень в светлых брюках довольно вежливо осведомился:

– Вы ее хорошо знали?

– Нет, один раз беседовали. Минуточку, что значит «знали»?

Перед моим лицом оказалось раскрытое удостоверение. Капитан Смоляков Игорь Николаевич.

– Что случилось? – испугался я.

– Ваши документы? – не дрогнул Смоляков.

Я вытащил книжечку, которую получил от Элеоноры.

– Смотри, Сеня! – воскликнул Смоляков. – Вроде наш.

– Дай. – Толстяк выхватил у меня из пальцев документ. –

Ну-ну, чин-чинарем, лицензия, и все такое. Ты раньше опером работал? В каком районе?

– Нет, – покачал я головой, – никогда не имел дела с милицией.

– Да? – удивился Игорь. – В частных-то агентствах сплошняком перебежчики сидят, наши бывшие. Кем же ты до этого служил?

– Я поэт, редактор, литературный сотрудник...

– Кто? – вскинул брови Сеня. – Поэт? Любовь-кровь-морковь? Слышь, мужик, ты за каким фиггом сюда приперся? Выкладывай все про Райкову. Игореша, пока лицензию про-

верь.

Капитан молча вышел.

– Вы разрешите закурить, товарищ начальник? – ехидно спросил я.

Но Сеня не растерялся:

– Тамбовский волк тебе товарищ, а тайга прокурор. Что за дело у тебя к Райковой?

Игорь сунул голову в комнату.

– Порядок! Детективное агентство «Ниро».

Сеня сморщился.

– Так, зачем пришел?

– Что с Мариной?

Пару секунд Сеня смотрел мне в лицо, потом с тяжелым вздохом ответил:

– Ладно, все равно ведь узнаешь. Она покончила с собой.

Я вскочил и опрокинул стул.

– Как? Когда? Где?

– Сядь, – велел Сеня, – чего прыгаешь, как мартышка.

Обычное дело, влезла в ванну, лезвием вскрыла вены на руках и ногах. Дверь в квартиру запирать не стала, ее сквозняком открыло нараспашку. Вот соседка и полюбопытствовала, решила сначала, что Райкова опять на работу усвистала, а про замок забыла, случилось с ней такое. Вошла и увидела в ванной тело. Где-то около двух дело было. Записка на столе лежала.

– И что в ней? – тихо спросил я.

Семен пошуршал листками:

– А ничего особенного. «Простите, если сможете, совесть замучила, не виновата я, случайно убила Алену». И подпись.

– «Не виноватая я, он сам пришел», – засмеялся вошедший в комнату Игорь.

Меня неприятно покорибила его усмешка, но, с другой стороны, наверное, это была защитная реакция организма. Когда каждый день видишь трупы, следует хоть как-то абстрагироваться от трагичности происходящего.

– Кто эта Алена, не в курсе? – спросил Семен.

Я кивнул:

– Шергина.

– Давай телефон.

– Она умерла.

Семен положил ручку.

– Так... Интересненько. Ну-ка выкладывай!

Я вздохнул и рассказал все. К концу повествования Семен совсем помрачнел и сказал:

– Лады, двигай к хозяйке. Коли понадобится, позвоним.

– А вы мне свой телефон не оставите?

– Зачем?

– Ну, мало ли, все-таки коллеги...

– Коллега, блин, – покачал головой Семен и, порывшись в кармане, вытащил прямоугольник белой бумаги, слишком тонкой для визитки, на которой было напечатано: «Телятевский Семен Михайлович, телефон...»

– Какая у вас фамилия. . .

– Уж не хуже, чем твоя, – рывкнул Сеня.

– Нет, конечно, ваша княжеская.

Семен рассмеялся:

– Это вряд ли, все мои родичи из деревни, я один в городе осел. Небось телят растили, отсюда Телятевские и пошли.

– Насколько я помню, был такой Телятевский Андрей Андреевич, князь, боярин и воевода. Летом тысяча шестьсот шестого года он примкнул к восстанию Ивана Болотникова, потому что был обижен на царя. И в тысяча шестьсот седьмом году наголо разгромил войска самодержца под Веневом, Калугой и Тулой. Но потом ему не повезло, и, когда восставшие сдали Тулу, Телятевский попал в плен. Дальнейшая его судьба покрыта мраком. Но, думаю, жизнь Андрея Андреевича закончилась либо в остроге, либо на плахе. По тем временам послушникам без долгих церемоний рубили головы. Телятевский – редкая фамилия. Скорей всего, вы его потомок.

Сеня вытаращил глаза:

– Первый раз про такого слышу! Ты откуда знаешь-то?

Я улыбнулся:

– Хотел писать книгу, даже название придумал – «Энциклопедия русских фамилий», собрал много материалов по архивам, у меня дома полно интересных бумаг, но потом жизнь заставила другим заниматься.

– Ловко, – покачал головой Сеня, – зря ты в детективы

полез, похоже, не твое это занятие.

Я опять улыбнулся:

– У меня в вашей конторе лучший друг работает, майор Воронов Максим Иванович, не встречались, случайно? Он в отпуске сейчас, вот в такое неудобное время дали. Скоро приедет.

– А нам всегда погулять выпадает тогда, когда никому другому не надо, – протянул Семен, – в каком отделении твой Воронов?

– Вроде на Петровке.

– Ясненько, – крикнул Семен, – нет, не виделись, я в районе пашу, так сказать, простая ломовая лошадь.

Устав, словно борзая, носившаяся весь день за зайцами, я приехал домой, рассказал Элеоноре о всех произошедших за день событиях и рухнул на диван. Филимон устроился на моих ногах. В квартире установилась тишина, было еще не поздно, часы показывали только десять, но сон подкрался и закрыл веки. Вообще говоря, следовало встать, раздеться, принять душ, но сил не было. Я начал потихоньку убывать в страну Морфея.

Внезапно до слуха донеслось тихое всхлипывание, потом оно стало громче и таким отчаянным, что я вынырнул из сладкого болота дремоты. Филимон, очевидно, тоже обратил внимание на звуки, потому что сел и замолотил лапами в воздухе.

– Не нервничай, – велел я, вышел в коридор и постучался

в соседнюю дверь.

– Нельзя! – крикнула Миранда.

Но я уже толкнул створку. Девочка стояла сгорбившись у окна, на голове у нее был тюрбан из полотенца.

– Что случилось, милая? Ты плачешь?

– Ни фига подобного, – шмыгнула носом девочка.

– Но я слышал!

– Это по телику передавали!

– В этой комнате нет телевизора.

– Значит, по радио, – нашлась Миранда.

Я подошел ближе, увидел совершенно красные глаза, серьгу, торчащую из распухшего носа, и решил успокоить ребенка:

– Скучаешь о маме? Успокойся, дорогая, она скоро вернется.

– На фига мне Настька сдалась, – окрысилась Миранда, – с чего о ней плакать? Да ее никогда нет!

– Тогда скажи, что случилось, знаешь, если поделиться с другим своим горем, станет легче.

Миранда прищурилась:

– Смеяться не станешь?

– Нет, конечно, – успокоил я ее и сел в кресло, приготовившись услышать рассказ о первой несчастной любви.

– Тогда смотри, – хмуро сказала Миранда и сдернула полотенце.

Я обомлел. Коротенькие волосы девочки были ядови-

то-зеленого цвета, столь пронзительного, что у меня защи-пало в глазах. Подобного цвета в природе не существует. Ни молодая листва, ни лягушка, ни хвоя ели... Нечто кислотное, отвратительное, вульгарное...

– Ну и как? – осведомилась Миранда.

– Немного смело, – ответил я, – весьма необычный тон.

– Думаешь, я такая дура, что собралась ходить как взбесившаяся жаба? – надулась Миранда.

Человеку, который проколол ноздри и засунул туда «гвоздик», в голову могут прийти всякие мысли, и потом, кожа жабы ничто по сравнению с «пейзажем» на голове Миранды.

– Хотела стать блондинкой, – горестно пояснила глупышка.

Я протянул руку к яркой коробочке, лежащей на столе.

– Ты это средство употребляла? Можно посмотреть?

– Смотри, – разрешила Миранда.

Я прочитал инструкцию.

– Раньше когда-нибудь пользовалась краской?

– Да с семи лет! – воскликнула модница. – Все время! Уже была рыжей, брюнеткой, русой...

– В этом твоя основная ошибка!

– Ой, только не заводись, – отмахнулась безобразница, – не надо читать мне лекции...

– Я и не собирался. Просто смотри, вот тут маленькими буквами написано: «Ни в коем случае не употреблять на окрашенные прежде волосы».

– Дай, – выхватила коробочку Миранда. – Ну, блин! Еще мельче написать не могли. Идиоты! Делать-то что? Меня завтра в школе со свету сживут!

– Хочешь, поеду с тобой и поговорю с классной руководительницей, попрошу не ругать и не ставить двойку по поведению.

Секунду девочка смотрела на меня широко распахнутыми глазами, потом звонко рассмеялась:

– Ваня! Ты когда в школу ходил?

– Давно, – дипломатично ответил я.

– Так вот, сейчас учителям совершенно насрать, хоть голая в школу заявись с татуировкой на носу. Наша классная даже не вздрогнет. Меня одноклассники оборжут. Их-то не заткнешь!

Ее личико стало совершенно несчастным.

– Ладно, – решительно сказал я, – укладывайся, уже поздно. Завтра в школу не пойдешь, поедешь со мной в парикмахерскую, к мастеру, который причесывает Николетту, он постоянно твердит, что способен сделать с волосами все, вот пусть и покажет свое умение.

– Николетта твоя любовница? – заинтересовалась девочка.

– Нет, мама.

– Я тоже Настьку только по имени зову, – протянула она.

– Все, хватит сырость разводите, ложись, спи спокойно, завтра исправим положение. Ну, давай иди, почисти зубы.

– Так рано я не ложусь.

– Уже полдвенадцатого!

– Ну и что?

– Когда же ты укладываешься?

– В три.

– Почему? – удивился я, вот уж не предполагал, что дети могут страдать бессонницей.

– В сайте сижу.

– Где?

– В компе.

– Извини, не понял.

– О боже! – закатила глаза девочка. – Компьютер включаю, а здесь его нет! Мне ни за что не заснуть!

– Книжку почитай.

– Фу! Терпеть их не могу.

Мне стало грустно. В детстве я был тихим, малообщительным ребенком и очень хорошо помню, как погружался в мир вымышленных историй, сколько восторга и радости испытывал, «глотаю» Дюма, Вальтера Скотта, Герберта Уэллса...

Быстрым шагом я вышел в коридор, порылся на полках, вытащил голубой томик и принес его Миранде.

– Вот, посмотри.

– Януш Корчак, – пробормотала Миранда, – «Король Матиуш Первый». Ну и муть!

– Картинки посмотри.

– Ладно, – сдалась Миранда, – давай, все равно делать

ничего.

Я ушел к себе и мигом заснул.

– Ваня! – раздался над моим ухом резкий голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.